

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Тамбовский государственный технический университет»

В.Б. БЕЗГИН

**ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА
РУССКОГО СЕЛА
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКОВ)**

Утверждено Учёным советом университета
в качестве учебного пособия
для студентов дневной и заочной форм обучения всех специальностей

Тамбов
Издательство ФГБОУ ВПО «ТГТУ»
2012

УДК 94(47) | 18 | - | 19 | (075.8)
ББК Т3(2)535-42я73
Б392

Рецензенты:

Доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор
ФГБОУ ВПО «ТГУ им. Г.Р. Державина»

В.Г. Баев

Доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВПО «ТГТУ»

В.В. Никулин

Безгин, В. Б.

Б392 Правовая культура русского села (вторая половина XIX – начало XX веков) : учебное пособие / В.Б. Безгин. – Тамбов : Изд-во ФГБОУ ВПО «ТГТУ». – 2012. – 80 с. – 100 экз.
ISBN 978-5-8265-1107-7

На основе современной научной литературы дан ретроспективный анализ основных этапов развития правовой культуры русского села второй половины XIX – начала XX веков.

Предназначено для самостоятельной работы студентов всех направлений бакалавриата по базовому курсу «История», «История государства и права». Может использоваться для изучения элективного курса «История российского крестьянства», а также в инновационных средних учебных заведениях, при подготовке абитуриентов к поступлению на исторические, юридические и другие гуманитарные специальности вузов.

УДК 94(47) | 18 | - | 19 | (075.8)
ББК Т3(2)535-42я73

ISBN 978-5-8265-1107-7

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тамбовский государственный технический университет» (ФГБОУ ВПО «ТГТУ»), 2012

ВВЕДЕНИЕ

Успех государственных преобразований, как прошлого, так и настоящего в большинстве своём зависит как от состояния правовой культуры общества, так и его гражданской инициативы. Особое значение имеет то, что данное инновационное исследование позволит выявить общие закономерности функционирования гражданской и социальной активности на уровне ментальных, внутриобщественных связей, что в свою очередь даст возможность формализовать и систематизировать предпосылки становления институтов гражданского общества в их современном виде.

Научная новизна заключается в том, что впервые предпринята попытка комплексного изучения эволюции правовой культуры русского села во время смены исторических эпох. Новизна поставленной задачи исследовательского проекта состоит, прежде всего, в применении методов детального анализа развития и функционирования зачатков социальной активности и гражданского участия представителей общественных сил в контексте государственной функции общественной безопасности на локальном (региональном) уровне. Посредством обращения к массовым источникам выяснено значение правовых воззрений в социальном поведении жителей села, роль местной администрации, правоохранительных органов, периодической печати в эволюции правовой культуры. Новым в исследовательском плане является анализ правового дуализма маргинальных слоёв общества в гражданских правоотношениях.

Методологическую основу проекта составит цивилизационный подход, определяющий изучаемый период как переход от аграрного общества к индустриальному, время кризиса традиционных политических институтов и перемен в жизненном укладе всех социальных страт провинциального общества.

Состояние и эволюция правосознания российского социума будут изучены посредством анализа содержания правовой политики государства, правовых практик обыденности и социального поведения в период общественных катаклизмов.

1. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Во второй половине XIX в. исследователями, в основном, правоведами была проведена серьёзная работа, которая позволила не только оформить понятие обычного права, но и определить ту роль, которую оно играло в становлении и развитии российского права. Интерес к проблеме обычного права был вызван активной законотворческой деятельностью государства, чему серьёзно способствовала реформа 1861 г.. Освобождение крестьян естественным образом ставило вопрос о реформировании законодательства и судебной системы государства, что обусловило создание комиссий для сбора сведений по юридическому быту крестьян. Материалы этих комиссий стали одним из основных источников для работ по обычному праву, так как содержали информацию об обычно-правовых нормах, например, «Труды комиссии по преобразованию волостных судов» содержали массу фактического материала, взятого из решений этих судов.

Большинство исследователей того времени признавали обычное право важнейшим из источников права в Древней Руси, когда первые законодательные своды являлись фактически записями обычно-правовых норм. При этом время господства мести и денежных выкупов не считалось временем отрицания уголовного права, а сама месть и выкупы были отнесены к явлениям правомерным, из которых уголовное право развивалось генетически. Более того, было отмечено, что большинство населения во второй половине XIX в. продолжало руководствоваться в сфере частных гражданских отношений не писаным законом, а «правилами, слагавшимися путём обычая и во многом несогласными с началами законодательства». Таким образом, обычное право признавалось источником права применительно не только к раннему периоду истории государства, но и к современной исследователям эпохе. Анализируя гражданское право России, С.В. Пахман высказывает мысль о том, что обычное право требует пристального внимания, поскольку «внимательный глаз открыл бы в нашем обычном праве, быть может, и такие начала, которые свойственны самому развитому юридическому быту и которые, следовательно, не было бы надобности черпать из какого-либо другого источника».

Вслед за признанием важной роли, которую выполняло обычное право в жизни крестьян, следовало выделить тех характерных признаков, которыми оно обладало. Положение о том, что обычное право выражается, прежде всего, в юридических действиях (фактах), а следовательно, однообразное повторение одних и тех же действий является вернейшим показателем для распознавания обычного права, послужило критерием для выделения его норм. Источниками для этого стали не только решения волостных судов, но и опросы самих крестьян. По данным источникам необходимо сделать ряд замечаний для определения их адекватности.

Сама организация волостных судов преследовала цель сделать судопроизводство близким к крестьянам, вследствие чего в волостях и организовывались суды, судьями в которых выступали крестьяне из числа жителей данной волости. Полномочия этих судов были оформлены законодательно, что делало их учреждениями официальными. Дела, которые разбирались в волостных судах, были по преимуществу мелкие, возникающие довольно часто в крестьянском быту, поэтому организация таких судов могла быть достаточно эффективной, поскольку, с одной стороны, решение дела становилось возможным в короткие сроки, с другой стороны, оно должно было обладать большей легитимностью в глазах крестьян. Причиной этого было то, что суд осуществлялся выборными судьями, большинство из которых не обладало специальными навыками, а значит, опиралось в своих решениях на те же нормы обычного права. Интересен факт, что на вопросы исследователей по поводу бытующих в конкретной местности обычаев крестьяне совершенно искренне отвечали, что никаких особенных обычаев в их местности нет. На конкретные же вопросы о способах разрешения возникающих споров приводили примеры использования тех самых обычаев, о которых «они ничего не знают». Проблема в данном случае заключается в том, что на одно и то же явление существовали различные взгляды: со стороны исследователей как на готовые нормы права, выработанные самой жизнью, со стороны крестьян как на справедливость, которая придает необходимую устойчивость этой жизни.

Таким образом, был получен фактический материал по нормам обычного права, анализ которого породил различные его трактовки со стороны исследователей. Некоторые из них в разнообразии норм не видели причин, по которым эти нормы нельзя было бы отнести к сфере обычного права, считая, что «привычка укрепляет действие однообразных норм, а не создаёт их; разнообразие же обычаев объясняется различными степенями культуры и условиями экономической общественной жизни». Другие, напротив, указывали на неопределённость и шаткость тех начал, которые применялись в крестьянских судах, настаивая на отсутствии таких постоянных и устойчивых правил, которые заслуживали бы названия обычного права. Таким образом, одним из важнейших условий для признания существования обычного права они считали наличие именно однообразных и постоянных норм. Фактически речь шла об использовании теоретического аппарата, выработанного правовой наукой для анализа такого явления, как обычное право. Неоднозначность в определении критериев для выделения обычного права не позволила исследователям прийти к общему выводу по поводу того, какие явления относятся к обычно-правовым. К сожалению, эта тенденция отчасти сохраняется и на современном этапе.

Правовая наука XIX в. подходит к «открытию» обычного права посредством анализа истории права российского. Истоки права одни видели

в действии более энергичных лиц, которые поступали как им угодно, а остальные следовали им из пассивной подражательности. Другие первоисточником права видели природу человека, когда на ступени своего возникновения право являлось чувством (инстинктом), таким, как месть, защита детей и т.п. И только в дальнейшем право проникается сознанием, превращаясь из того, что есть (факт), в то, что должно быть (право). Однако в данном случае важно не столько то, как возникает право, сколько то, как оно сохраняется и передаётся. И в первом, и во втором случае определяющую роль играет привычка, когда все поступают так, а не иначе и не задумываются о причинах этого, т.е. та или иная норма становится в определённом сообществе людей делом обычным, обычаем.

Таким образом, исследователями одним из важнейших источников права было признано право, основанное на обычае, или обычное право. Соотношение обычного и официального права занимало важное место в исследованиях того времени, но вплоть до второй половины XIX века было распространено положение о том, что с начального момента государственного законодательства идёт непрерывный процесс увеличения сферы действия официальных норм и, соответственно, уменьшения сферы применения норм обычных. По большому счёту так и происходило: государство активизировало свою законодательскую инициативу, пытаясь регламентировать все существующие сферы, оставляя все меньше и меньше белых пятен, не затронутых действием того или иного закона. В свою очередь, размеры империи со значительными расстояниями между населёнными пунктами, неграмотность большинства населения делали возможными существование обычно-правовых норм, особенно в крестьянской среде. Это во многом и обусловило тот интерес к изучению обычного права в XIX веке, когда учёные пытались объяснить «живучесть» обычного права.

Остаётся вопрос о том, почему применительно к XIX в. исследователи говорили о правовых нормах, бытующих среди населения, именно как о праве. Владимирский-Буданов М.Ф. определял право как «совокупность обязательных норм, определяющих отношения государственные и частные». Современная правовая наука характеризует право как «официально установленную и обеспеченную государственной защитой систему норм, соответствующую принципу формального равенства». Из данных определений видно, что позитивное право – это, прежде всего, совокупность составляющих его норм, функцию защиты которых берёт на себя государство. Допустив возможность существования комплекса норм на определённой территории, обязательность которых зависит не от репрессивных государственных структур, а от других факторов, например, действующих обычаев, вероятно, можно вести речь о существовании здесь обычного права.

Такой подход видится слишком простым и спорным, поскольку право – понятие сложное и оно не исчерпывается лишь его нормативностью, а точнее, наличием комплекса норм. Норма представляет собой общее правило поведения, а, как уже говорилось выше, не все исследователи считали, что такие общие правила существовали. Хотя речь идёт о том, насколько общими должны были быть эти правила. В отношении государственного законодательства можно сказать с большей долей определённости, что оно было «общим правилом» для всего населения страны, однако всё же и в нём учитывались некоторые особенности уклада жизни отдельных его регионов. Если говорить в отношении обычно-правовых норм, то они, несомненно, отличались большим разнообразием в пределах государства, что для самого государства являлось, скорее всего, проблемой, так как в своей законодательной деятельности оно стремилось к единообразию и формализованности норм, действующих на всей территории. Для населения же это имело, очевидно, положительное значение, так как обычно-правовые нормы учитывали культурные особенности различных групп населения.

Другой важный момент – обязательность норм. Государство для осуществления этого располагает всеми необходимыми механизмами, к которым можно отнести судебную систему, правоохранительные органы и т.п. Однако само существование норм обычного права является доказательством того, что обязательность должна обеспечиваться не только какими-то государственными структурами, но и иными механизмами, тем более что остаётся вопрос о том, чем обеспечивается эта самая обязательность норм обычного права. Важную роль в этом играла община, но даже не в смысле наличия в ней каких-то особых органов для этого, а вследствие определённых моральных и нравственных норм, существовавших в ней. Фактически речь идёт об определённой правовой культуре, поскольку это не просто то или иное отношение к праву, а прежде всего – уважительное отношение к его нормам. Лицо, обладающее правовой культурой, не только характеризуется определённым уровнем знания действующих норм, но и строит своё поведение в соответствии с ними. К тому же обладание определённой правовой культурой означает как выполнение требований норм, так и стремление к тому, чтобы им следовали и другие. Справедливо будет предположить, что основная масса населения обладала в первую очередь обычно-правовой культурой, так как знание официального права было очень низким, а уважение к обычаям, по которым жили отцы, было более весомым, нежели к законам, а точнее, к тем лицам, которые на основании их осуществляют разбирательство.

Официальное и обычное право имеет в своём основании одну задачу – достижение справедливости. Для официального права с самого возникновения были характерны такие понятия, как преступление и наказа-

ние, для обычного права – понятие справедливости, которое означало прежде всего возмещение причинённого ущерба. Отсюда проистекает стремление не столько наказать правонарушителя, сколько примирить враждующие стороны на основании такого решения, которое устраивало бы всех и вместе с тем было бы справедливым в глазах людей всего общества. Причём зачастую понятие справедливости было близким к пониманию полезности того или иного решения для общины в целом, поэтому довольно сложно говорить о том, что для обычного права всегда был важен каждый конкретный человек. И это сильно сближает цели официального и обычного права, а именно создание наиболее благоприятных условий для существования и развития того или иного общества.

Вслед за исследователями XIX века можно выделить ряд характерных для обычного права черт. Оно обладает «двойной обязательностью» – внутренней и внешней, когда действие его обусловлено не только личной совестью, но и моральным давлением коллектива, к которому в основном и сводилось действие общества. Когда это не давало положительного результата, общество пользовалось своим правом исключения отдельных членов из общественной жизни на определённый срок или навсегда путём выдворения из общества. Мера, надо заметить, весьма действенная, поскольку благосостояние каждого члена конкретного сельского общества напрямую зависело от обсуждаемых вопросов, не говоря уже о распределении общественных земель и т.п.

Для сообщения обычному праву внешней обязательной силы ему придавалось религиозное значение. Данное обстоятельство играло значительную роль в тех случаях, когда не хватало свидетельств ни у одной из тяжущихся сторон. Тогда в качестве доказательства использовалась клятва, т.е. фактически клятва.

Будучи сохраняемым традицией, передачей от поколения к поколению, обычное право достаточно консервативно, поскольку изменение его грозило разрушением его самого. Отсюда – «поступать по старине» и «поступать по праву» считалось равносильным, что косвенно подтверждает и пословица: «Что старое, то правое». Однако соглашаться с полной консервативностью обычного права тоже не следует. Все-таки со временем условия жизни претерпевают изменения, иногда достаточно серьёзные, и его существование на протяжении длительного времени говорит о том, что оно неплохо приспосабливалось к происходившим изменениям. Отдельные нормы не могли не меняться под воздействием новых условий, иначе обычное право теряло бы свою актуальность и неизбежно утратило бы свои практические функции, чего не произошло даже в XIX в. Как право, не выраженное в твёрдой (письменной) форме, оно имело даже большую возможность разнообразиться вместе с жизнью, нежели официальное.

В результате всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что для времени введения в научный оборот понятия обычного права (XIX в.) характерно отсутствие чёткого его определения. Под обычным правом понимали комплекс правовых отношений, основанных не на законодательных актах, а на существовавших правовых обычаях. Наиболее удачное определение дал, но уже гораздо позже, В.А. Александров, подразумевая под обычным правом «неписанные, основанные на обычае нормы, регулирующие внутридеревенскую хозяйственную, бытовую и семейную жизнь, а также различные гражданские отношения крестьян между собой (сделки, соглашения) и определённые меры борьбы с правонарушениями».

2. РОЛЬ ОБЫЧАЯ В ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ РУССКОЙ ДЕРЕВНИ

2.1. ОБЫЧНОЕ ПРАВО В КРЕСТЬЯНСКОМ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИИ

Традиционно основной функцией общины в русском селе было распределение земли. Оно производилось по ревизским или наличным душам, либо по числу рабочих рук в хозяйстве, либо по едокам. Данные земской статистики позволяют утверждать, что в целом в черноземной полосе развёрстка по ревизским душам являлась преобладающей. Так, издания Курского, Воронежского, Тамбовского земств показывают, что до начала 1880-х гг. почти все селения государственных крестьян и большая часть бывших помещичьих вовсе не переделяли свои земли после 10-й ревизии и, стало быть, сохранили раскладку по ревизским душам. Только с начала 80-х гг. XIX в. началось крестьянское движение в пользу перехода к принципу распределения земли на наличные души.

Вопрос о подворной земельной нарезке решали сельские сходы. Способ развёрстки зависел от качества земли, рельефа хозяйственных угодий и т.п. Сенокосы при общинном владении не подвергались разделам, сено косилось сообща и уже скошенное делилось между членами общества. Вся работа по развёрстке земельных наделов выполнялась с довольно высокой степенью точности. Обмер земли при общем переделе производился деревянной палкой величиной в сажень, а при частном – шагами, из расчёта, что сажень равна двум шагам. Надельная полевая полоса называлась «загоном», а луговая «паем». Границы в чересполосном владении обозначались межами, а отделявший один участок от другого рубежами, на концах и поворотах рылись межевые ямы, в которые устанавливали межевые столбы. Если межей служил проток или овраг, то его называли «живым урочищем».

Валовую межу, как и граничный рубеж, никто не имел права вспахать, нарушитель подвергался наказанию. Нарушение, или, как говорили

в деревне, «взломка» валовой межи самовольно, случалось редко, так как крестьяне считали её за святую, установленную не одним человеком, а всем обществом, по общему на всех тому согласию. Если в результате обмера обнаруживался излишек земли, начинали выяснять, как он образовался. Опрашивали соседей, если те подтверждали, что этим загоном хозяин владел более десяти лет, то его оставляли в покое. Правда, он должен был подкрепить свои показания клятвой. С этой целью владельца спорного загона разували, скидывали с него шапку, давали в руки икону и заставляли обойти загон кругом. Если крестьянин обходил вокруг загона и при этом не падал, то общество оставляло излишек земли в его распоряжении.

Система развёрстки земельных угодий, основанная на нормах обычного права, была результатом как исторического опыта хозяйствования, так аграрной практики в конкретно-экономических условиях. Она определялась хозяйственной целесообразностью, приёмами и способами ведения полевого хозяйства. По сведениям, полученным от М. Кашкарова из Воронежской губернии в 1899 г., «общинные земли в селениях бывших помещичьих крестьян развёрстывалась по ревизским душам, в селениях бывших государственных крестьян – по числу душ мужского пола. При развёрстке на наличные души мужского пола принимались в расчёт или все мальчики, родившиеся ко дню передела, или мальчики и парни, достигшие определённого возраста (3, 5, 7, 15 и 18 лет). Встречалась развёрстка по рабочему составу членов семьи (18 – 60 лет), проживавших постоянно дома, имеющих в обществе постоянную осёдлость». Выбор того или иного принципа развёрстки земли часто становился предметом ожесточённых споров на сельском сходе.

Распределение земли между крестьянскими хозяйствами было процессом очень сложным. Трёхпольная система полеводства предполагала общий выпас по стерне и по пару. А потому полосы, принадлежавшие отдельным дворам, нельзя было отгородить, так как животные и люди должны были свободно ходить по полям, кроме того, в большинстве случаев каждый двор должен был следовать определённому порядку – сеять необходимые культуры в соответствующее время. Пашня была поделена на узкие полосы, настолько узкие, что иногда с бороной можно было пройти только в одну сторону. Каждый двор имел несколько полос, чаще всего на определённом отдалении одна от другой. Дело в том, что крестьяне внимательно следили за тем, чтобы земля распределялась по справедливости. Общинные земли были различны по качеству, расположению, конфигурации, удалённости от деревни. Каждое из трёх полей разделялось на ярусы примерно одного качества, а каждый ярус на «доли» – по числу «ртов» в деревне.

Весь этот сложный механизм распределения был подчинён одной цели – максимально соблюсти основной принцип крестьянского мира,

обеспечить равный доступ к земле. Возможность пользования земельным наделом выступала непременным условием функционирования крестьянского хозяйства. Равные «стартовые условия» производственной деятельности ставили конечный результат в прямую зависимость от умения, навыков, трудолюбия пахаря. Заметим, что всё это, конечно, верно только при условии учёта капризов природы, над чем мужик, естественно, был не властен.

Когда в силу естественных причин изменялся состав населения отдельных дворов, община организовывала частичные переделы (свалки – навалки), забирая полосы от одних и передавая другим. Частные переделы допускались в случаях смерти домохозяина, увольнения его из общества, высылки по суду или по общественному приговору, или безвестной его отлучки, оставления хозяйства без попечения; отказа самого домохозяина от пользования землей; неисправности его в платеже повинностей. Частичные переделы производились также при необходимости нарезать новые приусадебные участки в силу каких-то стихийных явлений (наступления оврагов, размывания почв) либо, наоборот, из-за приращения удобных земель в результате совместных усилий. Такая гибкая система позволяла оперативно реагировать и решать возникавшие проблемы землепользования, соблюдая принцип социальной справедливости.

При распределении земельных наделов община внимательно следила за тем, чтобы соблюдался принцип трудового участия, т.е. землей могли пользоваться только те, кто её обрабатывал. При переделах земли общество отказывалось учитывать те «души» в семьях, которые долгое время отсутствовали или же находились в безвестной отлучке. Приговором общества крестьян д. Выкрестовой Воронежского уезда той же губернии от 4 декабря 1889 г. было принято решение «общественные земли поделить на новые души, с тем условием, что, кто из однообщественников не занимается хлебопашеством и не отбывает общественных натуральных повинностей, тому земельного надела не давать». В 1899 г. жители слободы Семейки Острогожского уезда Воронежской губернии в постановлении схода прямо указывали на то, чтобы не предоставлять землю тем односельчанам, кто постоянно проживает на заработках в Воронеже. В ряде мест существовала традиция, согласно которой местные старожилы пользовались преимуществом при распределении земельного фонда. Так, по приговору сельского схода слободы Ливенки Бирючанского уезда Воронежской губернии несколько дворов получили меньший надел, чем полагалось по раскладке. Причина заключалась в том, что они недавно были приписаны к обществу.

Землепользование крестьянских общин и их членов поддерживалось обычаем, который воплощался в целую систему норм неписаного права. Порядок землепользования определялся обычно-правовым статусом отдельных видов угодий, используемых крестьянским двором. Земельно-

правовые нормы в разные периоды истории крестьянства, в свою очередь, отражали этапы эволюции сельской общины. Помещики и правительство старались не вмешиваться в поземельные отношения крестьян, которые регулировались обычным правом. «Право собственности на землю при общинном земледелии принадлежит общине, и распоряжение землей всецело зависит от неё. Право общины от права общей собственности отличается тем, что община сама прав своих непосредственно не осуществляет, а делегирует их на определённых условиях членам, составляющим общину. Община не несёт и обязанности, а распределяет обязанности, т.е. налоги и платежи в строгом соответствии с делегируемыми правами», – утверждал известный знаток крестьянского права А.А. Леонтьев.

В правовых воззрениях русских крестьян не существовало понятия частной собственности на землю. ещё в XIX в. русский учёный, этнограф А.Я. Ефименко отмечала: «Земля не продукт труда человека, а, следовательно, на неё и не может быть того безусловного и естественного права собственности, какое имеет трудящийся на продукт своего труда. Вот то коренное понятие, к которому могут быть сведены воззрения народа на собственность». С точки зрения веры, православный мужик считал землю «Божьей», данной Творцом людям на пропитание. Царь как «помазанник Божий» был волен распоряжаться землей, наделяя ей своих подданных.

Правом пользования землей, по суждению селян, обладали те, кто на ней трудится. В пределах общины земля считалась «мирской», т.е. принадлежащей обществу. Общинные угодья распределялись между крестьянскими дворами посредством земельной развёрстки, о чём подробно говорилось выше. Крестьянская семья свободно пользовалась этим наделом, но распоряжаться им могла только с согласия сельского схода. При этом полевые надельные земли находились во владении крестьянского двора, ограниченном правом общины периодически осуществлять переделы земли в зависимости от конкретных обстоятельств. Собственно общинные земли представляли собой неделимые угодья, в том числе «уголки» и «отрезки» между наделами, и использовались в интересах всего сельского общества (пастбища, выгоны, лес и др.) В отношении их крестьяне-общинники обладали правом пользования, связанным с институтом членства общины. Эти земли (в «мирских нуждах») община использовала в общих интересах и, в том числе, могла сдавать их в аренду, как своим членам, так и третьим лицам.

Усадебные земли представляли собой земельные участки, на которых непосредственно размещался крестьянский двор с постройками, садом и огородом, находящимися, как правило, в черте населённых пунктов. Крестьяне могли распоряжаться усадьбой на правах полной собственности. Их право на усадьбу можно было охарактеризовать как пожизненное владение без права отчуждения. Все постройки и насаждения на усадебной земле принадлежали общиннику на праве полной собственности, зем-

ля же принадлежала обществу и могла переходить к наследникам лишь при условии, если они являлись членами той же общины. В своих интересах община могла нарушать права хозяина на усадебную осёдлость. Сельский сход мог потребовать от домохозяина переноса изгороди или забора, препятствующих прогону скота. В то же время при образовании нового хозяйства именно из общинных земель ему отводился земельный участок под усадьбу.

До 1917 г. на территории России можно выделить три важнейшие формы крестьянского землевладения: общинную, подворную и участковую (индивидуальную). Сочетание внутри общинного землевладения трёх выше указанных категорий земель с различным правовым статусом объясняло противоречивость взглядов российских юристов на юридическую природу общинного землевладения. Однако вплоть до 1917 г. это понятие так и не было законодательно оформлено. В результате в течение всего пореформенного периода вплоть до октябрьской революции аграрный строй России сохранял всю пестроту местного колорита и норм обычного права в сфере поземельных отношений. Это, в свою очередь, чрезвычайно осложняло задачу реформирования и правового регулирования аграрных отношений, включая разрешение основополагающего вопроса о субъектах права земельной собственности. То, что выступало проблемой для правоведов, не являлось таковой для крестьянства. Русская деревня продолжала регулировать поземельные отношения нормами обычного права.

Не только вопросы землепользования, но и земельные отношения в целом в русской деревне регулировались нормами обычного права. Потрава посевов, нарушение межи при косьбе («перекос»), ошибочный вывоз чужого стога сена, засев соседнего клена пахотной земли – эти спорные вопросы сопровождали повседневную хозяйственную деятельность крестьян. Принцип решения земельных споров был определён традиционным жизненным укладом крестьян. Отличительной чертой обычного правового регулирования было возмещение трудовых затрат при решении хозяйственных споров.

Споры, возникавшие вокруг права пользования земельным наделом, решались в деревне на сельском сходе на основе норм обычного права. В волостной суд обращались в том случае, если мирской приговор казался одной из сторон несправедливым. Анализ решений волостных судов даёт основание сделать вывод о том, что в земельных вопросах они руководствовались не законом, а обычаем. Суд присуждал посеянный хлеб истцу с вычетом в пользу ответчика затрат на семена. В случае если хлеб был уже убран ответчиком, то истцу полагалось денежное вознаграждение за убытки по существующим на хлеб ценам. Специалист в области гражданского права С.В. Пахман в своём исследовании приводил пример решения волостного суда по иску о самовольном засеве. Приговором суда урожаем озимой пшеницы, полученный с самовольно засеянного клена, был рас-

пределён следующим образом: 8 копен отдал хозяину, а 8,5 копен за работу. В практике судебных решений допускалась и возможность компенсации: «Ты посеял на моей полосе, я посею на твоей».

В процессе семейных разделов сельский сход делил и земельный надел, который находился в пользовании всей семьи. Подобные решения нередко становились причиной исков, которые подавали те, кто считал себя незаконно обделённым. Так, в 1891 г. Темниковское уездное по крестьянским делам присутствие Тамбовской губернии оставило без последствий жалобу Петра Степанова на приговор сельского схода села Бахтызино об утверждении раздела земельного надела между ним и братом. В решении было записано, что «по обычаю и правилам, принятым в крестьянском быту, сход имел полное право разделить и земельный надел».

Община зорко следила за соблюдением своих интересов. Иск сельского общества в волостной суд об изъятии земельных наделов из «незаконного» владения того или иного односельчанина заканчивался, как правило, в пользу крестьянского мира. Салтыковский волостной суд Моршанского уезда Тамбовской губернии своим решением удовлетворил иск общества об изъятии земельного надела на 3 души у Андрея Абрашкина. В марте 1913 г. волостной суд Питерской волости Моршанского уезда вернул в общинное пользование земельный надел на 1 душу крестьянина Фрола Шишкина, сданного им в аренду. Несмотря на то, что на суде была представлена копия договора аренды сроком на 10 лет, суд в иске отказал. Представитель ответчика заявил о том, что спорная земля более 50 лет принадлежит обществу, а Шишкин, как отсутствующий домохозяин, хозяйство на этой земле не вёл и пользоваться ей не мог. Другое решение принял Рыбинский волостной суд того же уезда в 1914 г. Крестьянин с. Давыдовки Николай Трубицын просил отобрать у отца земельный надел на 2 души, который полагался ему согласно условиям семейного раздела. Ответчик заявил, что данный надел находится у него в арендном пользовании до очередного передела (1922 г.) на основе словесного договора, и деньги за аренду уплачены полностью. Суд удовлетворился таким объяснением, и требования истца признал необоснованными.

Одним из критериев разрешения земельных споров по обычному праву являлся принцип трудового участия. В качестве примера может служить дело, рассмотренное Воейковским волостным судом 10 июля 1883 г. по жалобе крестьянина Никиты Моисеева. Истец арендовал земельный надел под посев озимого хлеба у мещанина Ивана Немерова, который пользовался им по приговору сельского схода. После смерти Немерова общество д. Дубровки не допустило Моисеева убирать посеянный им хлеб. Волостной суд вынес решение: посеянную рожь Моисеевым на земле, находившейся в пользовании умершего Немерова, принадлежащей крестьянам д. Дубровки, убирать половину в свою пользу ему, Моисееву, а другую половину отдать в пользование общества.

Примером столкновения в поземельных отношениях закона и обычая может служить дело крестьянки Евгении Умрихиной с просьбой признать её единственной наследницей на земельный надел её отца Харитона Умрихина, умершего в 1901 г. Она вышла замуж в 1905 г. и приняла мужа в свой дом. В своём заявлении истица просила отобрать землю из владения обществом и взыскать арендную плату за три года с 1907 по 1909 гг. в размере 32 рублей. В копии волостного суда Градо-Стрелецкой волости Козловского уезда от 18 ноября 1911 г. сообщалось о том, что истица, как вышедшая замуж до закона от 9 ноября 1906 г. в другое общество, прав пользования на отцовский надел не имеет. Крестьянка Е. Умрихина подала жалобу на имя земского начальника 3-го участка Козловского уезда от 7 мая 1911 г. На заседании Козловского уездного суда 3 августа 1913 г. уполномоченный общества заявил, что по местному обычаю дочери, вышедшие замуж, теряют право на землю отца. И неважно, осталась истица во дворе отца или нет. Однако уездный суд принял во внимание, что истица, по показанию свидетелей, из двора не выходила, и двор продолжал существовать. Решение сельского общества от 6 марта 1911 г. об упразднении двора он признал незаконным, а ссылку на местный обычай, лишающий истицу права владения землей отца, голословной.

Поземельные отношения русской деревни основывались и регулировались нормами обычного права. Изученные решения волостных судов по земельным искам убедительно свидетельствуют о том, что в рассмотрении земельных споров судьи руководствовались правовыми обычаями. По мере развития капиталистических отношений, складывания рынка земли и роста числа операций с недвижимостью возрастала потребность крестьян в регулировании имущественных отношений официальным законодательством. Увеличение числа земельных исков в конце XIX – начале XX в. свидетельствовало о стремлении крестьян защитить свои имущественные права на основе действующего законодательства.

2.2. ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ

Нормы обычного права русской деревни рассматривали семейное имущество как единое целое, игнорируя имущественные права отдельной личности. Это следствие исторически сложившегося государственного подхода к крестьянской семье, как тягловой единице, где неделимая семейная собственность являлась главным условием благосостояния хозяйства и его платежеспособности. Государство стремилось закрепить семейный надел и необходимый сельскохозяйственный инвентарь в потомственной собственности всего крестьянского двора, лишая при этом права собственности, как самого домохозяина (большака), так и отдельных членов семьи. Заведование общесемейным имуществом признавалось правом большака, который извлекал из него доход и производил расходы на нуж-

ды всей семьи. Существовавший обычай воспрещал домохозяину принимать важнейшие распорядительные действия, например отчуждение, без согласия всех взрослых членов семьи. Такое ограничение в праве распоряжения имуществом преследовало цель – не допустить разорения крестьянского двора. В случае неплатёжеспособности двора сельское общество ограничивало домохозяина в его действиях по распоряжению семейным имуществом. Сельский сход своим решением мог главу семейства большины, если тот пьянствовал, проявлял лень или расточал имущество двора. Потеря домохозяином дееспособности также являлась основанием для передачи его полномочий другому члену семьи. Так, Пичаевский волостного суда Тамбовской губернии в 1914 г. своим решением крестьянку Анну Шорину полной хозяйкой. В заявлении истица указывала, что её муж потерял рассудок и находится на излечении в психиатрической больнице.

По утверждению юриста Ф.Ф. Барыкова, исследовавшего порядок наследования в русской деревне: «Крестьянское имущество есть общая принадлежность дома, семьи, находящиеся в заведовании домохозяина; отдельной личной собственности у членов семьи почти нет, и потому по смерти их наследство не открывается». После смерти крестьянина весь хозяйственный комплекс оставался в распоряжении семьи, а большаком становился его сын, брат, реже вдова. Если двор по смерти хозяина и делился, то это происходило не по гражданскому закону, а в рамках того же обычного права. Порядок наследования в селе выражался в распределении общего имущества между членами семьи, а не в переходе права собственности от домохозяина. Большак не имел права завещать имущество никому кроме своих ближайших родственников. В противном случае такое завещание не утверждалось сельским сходом.

Определить собственность крестьянского двора (семьи) как общую было бы не совсем верно, так как не один из её членов не мог указать на свою долю в ней. Точнее было бы определить её как собственность артельного типа, ввиду того, что в неё были включены не только родственники, но другие работники (приемыши, зять – примак) ставшие членами семьи. В своей записке (1905 г.) по вопросу волостного суда сенатор Н.А. Хвостов так определял природу собственности крестьянской семьи: «В крестьянском самосознании имущество двора всегда понималось как принадлежащее всей семье. Иначе быть не могло. Весь крестьянский семейный уклад, все порядки семейной жизни основаны на трудовом начале. Если дети будут знать, что у них нет никаких прав на общее имущество двора, то ни один из них не станет отдавать свой заработок отцу. Крестьянская семья – это рабочая артель, связанная кровными узами, мальчик с малых лет начинает зарабатывать для дома». Глава крестьянского двора зорко следил за тем, чтобы все денежные средства, получаемые членами семьи, шли в общую казну. С сыновей-отходников отец, отправляя их на

заработки, брал обещание, что они каждую полученную копейку будут отдавать домой. Если этого не происходило, и сын не посылал семье заработанных денег, то отец мог лишить его доли наследства. В этом находил свое выражение принцип трудового участия каждого члена семьи в формировании артельной собственности крестьянского двора.

Единственно, где мы можем говорить о собственности как таковой, в классическом её понимании, это женская собственность. По крестьянской традиции собственностью бабы признавалось её приданое. Оно, в сельском быту, рассматривалось как награждение члена семьи, вышедшего навсегда из её состава. Содержание сундучка («коробьи») невест было схожим. Там находились платки, ситец, кружева, чулки. Приданое вкупе с «кладкой», т.е. вещами (реже деньгами), подаренными на свадьбе, считалось в деревне собственностью женщины и являлось для неё своеобразным страховым капиталом. Бывший земский начальник А. Новиков писал: «Почему у бабы страсть собирать холсты и поневы? – Деньги всякий муж при случае отнимет, т.е. выбьет кнутом или ремнем, а холстов в большинстве случаев не трогают». На женскую собственность сельской традицией было наложено табу, она считалась неприкосновенной. «Даже в самые лютые периоды выбивания податей, когда в соседнем Ливенском уезде, в начале 90-х гг полиция продавала хлеб из запасных магазинов, последних лошадей и коров, и даже где-то захватывала и продавала муку, данную от Красного Креста, то и там, при всей этой оргии, не слышно было, чтобы становые и урядники где-нибудь, покусились на сундучки девочек-подростков», – писал сенатор Н. А. Хвостов, владелец именем в Орловской губернии. Революционная эпоха опрокинула многие привычные представления. Крестьянин С. Булгаков в письме от апреля 1919 г. на имя секретаря ВЦИК Аванесова, характеризуя действия комбеда в Абакумовской волости Тамбовского уезда, сообщал: «Отбирали под видом спекуляции вещи ничего общего с таковыми не имеющими: у невест-девушек скатерти и кроеные платья, как приданое». Ломка традиционных устоев стала причиной «разрухи в головах» отдельной части жителей русского села.

Волостные суды, руководствуясь нормами обычного права, стояли на защите женской собственности. В качестве примера приводится запись из книги решений Ильинского волостного суда Орловской губернии. «1896 года апреля 5 Ильинский волостной суд в составе председателя Алексея Волосатова, судей: Карпа Котлярова, Дмитрия Афонина и Петра Гусева разбирал уголовное дело по жалобе крестьянина села Ильинского Савелия Мишакина на невестку свою Дарью Мишакину об уводе самоуправно овцы, стоящей 5 рублей и уноса иконы, стоящей 3 рубля. Просил взыскать с ответчицы за икону 3 рубля и 3 рубля за прокорм овцы в одну зиму. Ответчица объяснила, что проработала всё лето у свёкра, а осенью прошлого года он выгнал её со двора, не давший никакого пропитания.

Она взяла свою приданку (овцу) и благословение (икону). Суд предложил примирение, но стороны отказались. Постановил: истцу в иске отказать так как Дарья Мишакина взяла овцу и икону не Савелия Мишакина, а как свою собственность».

Согласно деревенской традиции, снохе разрешалось иметь отдельное имущество. Оно могло состоять из скотины, 2–3 овец или телка, а также денег, собранных на свадьбе. Это приданое не только обеспечивало её необходимой одеждой, но и выступало источником хотя небольшого, но дохода. Средства, полученные от продажи шерсти с овцы и продажи приплода, шли на её личные нужды. В некоторых местах, например, в селе Осиновый Гай Кирсановского уезда Тамбовской губернии многие жены имели даже свою недвижимую собственность – землю, от 3-х до 18-ти десятин, и самолично расходовали получаемый с неё доход. По крестьянскому обычаю снохам отводили полосу для посева льна, конопли или выделяли пай из семейного запаса шерсти, конопляного волокна. Из этих материалов они изготавливали себе, мужу и детям одежду. Часть произведённого сукна могла быть продана. Домохозяин не имел права посягать на «бабьи заработки», т.е. средства, полученные от продажи грибов, ягод, яиц. В деревне говорили: «У баб наших своя коммерция: первое – от коров, кроме того что на стол подать, – остальное в их пользу, второе – ото льна: лен в их пользу». Заработок от подённой работы, произведённой в нерабочее время с согласия главы крестьянского двора, также оставался в распоряжении женщины. Сноха должна была самостоятельно удовлетворять все свои потребности и нужды своих детей. По существовавшей в русской деревне традиции, из общесемейных средств, на сноху, кроме питания и снабжения её верхней одеждой не тратилось ни копейки. Все остальное она должна была приобретать сама. По обычному праву приданое, являясь отдельной собственностью женщины, после смерти переходило её наследникам.

Особые имущественные отношения внутри семьи приводили к специфическим отношениям между родителями и детьми. Согласно народным воззрениям и православным нормам, родители должны были кормить и воспитывать своих детей. Родители были обязаны содержать детей до совершеннолетия, если они не делали это добровольно, то их принуждали через суд. Известный правовед И. Оршанский в своём исследовании приводил решения волостных судов, по которым определялось содержание детям от отца. По крестьянским воззрениям, если отец не заботился о своём ребенке, то он терял права на его личность и поэтому должен был вознаграждать его за труд как наёмного работника. Бедные родители, иногда отдавали своих детей в приёмьши, и с этим утрачивали права на них. Имущественные отношения между родителями и детьми прекращались, когда дети выделялись из семьи. Напротив, вхождение в крестьянскую семью нового члена влекло за собой возникновение обязательных отно-

шений. В ряде мест отмечено составление договоров тестя с зятем-приёмшем.

2.3. ДОГОВОРЫ И ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ПО НИМ

В своей повседневной жизни русские крестьяне второй половины XIX – начала XX в. практически постоянно вступали в имущественные отношения разного рода. Чаще всего это были договоры займа, найма, купли-продажи. Для обозначения разного рода договоров в русской деревне использовались следующие термины: ряда, ляд, съём, заём, отступное, сделка.

Как свидетельствуют источники, в большинстве случаев сельские жители выполняли взятые на себя обязательства. Всякое нарушение или неисполнение условий договора крестьянином неминуемо подрывало его репутацию. По мнению жителей сел Болховского уезда Орловской губернии, «не исполнить договор, обещание или данного слова считается большой грех и стыд, после этому человеку никогда не верят». Взгляд крестьян Нижегородской губернии на обязательность, для каждой стороны, вступившей в договор, исполнение принятых на себя обязанностей, отразился в местных пословицах: «Молись – не стыдись, работать – не ленись»; «Нанялся – продался», а лица, нарушившие обещание, не выполнившие договор, – считались поступившими неблагоприятно и осуждались общественным мнением.

В договорах, предусматривающих денежный расчёт, стороны, как правило, устанавливали срок оплаты. Сроки платежа обыкновенно связывали с датами православного календаря: Николой, Петровым днем, Казанской, Покровом, Введением, Святками, Масленицей и т.п. Если к назначенному сроку крестьянин не мог уплатить деньги, то за неделю до срока он должен был войти в соглашение со своим партнёром о переносе срока. Если он этого не делал, то договаривающийся выводил его на сходку и объявлял о неисполнении договора.

Заключение брака в сельской повседневности выступало одной из форм заключения сделки. Она включала в себя несколько этапов, важнейшим из которых являлся сговор. Приход сватов сопровождался обрядовыми действиями, традиционным словесным набором и символическим торгом. Согласие завершалось молитвой и обильной трапезой. В крестьянском быту заключение условий сделки сопровождалось взаимным ударением правых рук: оттого законченное сватовство называлось «рукобитие». После совершения взаимного целования сватов с обеих сторон давались торжественные обещания. Это означало, что стороны пришли к соглашению о сроке свадьбы и о величине предстоящих расходов. Нарушение данного слова влекло за собой, на основе норм обычного права, юридические последствия. Оскорблённая сторона могла потребовать возме-

щение понесённых затрат и компенсацию за «бесчестье», поскольку отказ жениха от заключения брака оскорблял девичью честь и бросал тень на её репутацию.

В таких случаях потерпевшая сторона обращалась в волостной суд с требованием взыскания штрафа за «бесчестье». Данного понятия официальный закон не знал, но оно было распространено в крестьянском обиходе. Согласно народному обычаю, волостной суд признавал обязанность возместить убытки, произошедшие от неисполнения соглашения вступить в брак. В качестве примера приведём иск крестьянки Левиной к отставному рядовому Камышникову о взыскании с него убытков по случаю невыдачи его дочери Марфы за её сына Ивана. В книге записей Перкинского волостного суда Тамбовской губернии за 1872 год, по этому делу вынесен приговор, по которому с ответчика надлежало взыскать 1 руб. серебром. Таким образом, в отношении брачного соглашения обычное право предусматривало такие же способы обеспечения обязательств, как и для любого другого договора: залог, задаток, неустойку. Последствия нарушения брачного соглашения заключались в возмещении убытков, понесённых пострадавшей стороной, уплате бесчестья, а также в мерах ответственности, связанных с обеспечением брачного соглашения: уплате неустойки, удержании залога или задатка.

Преобладающей формой договора среди крестьян, где обеими сторонами являлись крестьяне, была словесная, только денежные займы облекались в письменную форму – расписки. В конце XIX в. по свидетельству знатока правовых обычаев русских крестьян Е.Т. Соловьева, «большая часть договоров по найму, покупки и продажи движимых вещей, производится словесно, иногда при 2–3 свидетелях, а иной раз и без них». В письменную форму облекались договоры, когда отдавали на посев землю, или если речь шла о договоре с обществом. Письменный договор составлялся в следующих случаях: контрагентом выступал крестьянин из другой деревни, которого знали недостаточно хорошо; с крестьянином, ранее не выполнившим договорных обязательств. Все письменные договоры заверялись печатью сельского старосты. По утверждению корреспондента этнографического бюро В. Кондрашова, жителя Елатомского уезда Тамбовской губернии, «при сдаче земли или других угодий в аренду письменная форма договора обязательна. Акт без подписи силы не имеет. Договор без числа по понятиям народа не действителен». К началу XX в. письменная форма договора была достаточно широко распространена в русской деревне, а сами крестьяне были сведущи в требованиях, предъявляемых при составлении бумаг такого рода. Единообразной формы составления письменных договоров не существовало, но большинство из них заканчивалось фразой: «Обязуемся соблюдать свято и нерушимо».

Прекращение договора в русской деревне наступало известными гражданскому праву способами: выполнением его обеими сторонами, истечением срока его действия, по взаимному соглашению сторон. По убеждению крестьян, если человек вступил в известную сделку под влиянием обмана, то вправе был её расторгнуть. Так, например, продавший вещь под влиянием обмана, мог взять её назад, вернув полученные деньги, причём, по обычаю, должен был угостить покупателя водкой. Недействительность сделке могло придать судебное решение. Решением волостного суда исполнение договора могло быть отсрочено и даже признано необязательным вследствие каких-либо обстоятельств. Если по закону неисполнение условий договора могло стать одной из причин его прекращения, то по обычному праву такой договор подлежал принудительному восстановлению. Формальная сторона договора для волостного суда не была определяющей, в основе их решения лежал принцип справедливости. Если условия договора ему не соответствовали, он утрачивал обязательную силу. Договоры с пьяными в русском селе считались недействительными. Вопреки положениям действующего законодательства, пьяные по правовым представлениям жителей деревни признавались невменяемыми и временно неспособными.

В крестьянских представлениях имели место обязательные требования, которые предъявлялись к участникам сделки, т.е. то, что в юриспруденции обозначено как дееспособность. В обязательных отношениях за несовершеннолетних выступали их родители или опекуны. Независимо от возраста, дееспособность ограничивалась имущественным положением: совершать акты, в коих выражалось право распоряжения имуществом, мог лишь домохозяин. Неотделённый сын, даже в возрасте законной дееспособности, не мог заключать никаких договоров с посторонними лицами без согласия своего отца. Если детей отдавали в работники, то их родители оговаривали условия и получали оплату, а при необходимости несли материальную ответственность за причинённый материальный ущерб. Старший член семьи в случае смерти, болезни или ухода нанятого, был обязан поставить на его место другого работника или возместить деньгами все причинённые хозяину убытки. В Орловской губернии требования к участникам обязательных отношений были следующими: «Лица, совершающие договор, должны иметь не менее 19 лет, не идиоты, а также могущие исполнить договор без препятствия на то со стороны домашних. Сын при отце тогда может делать договоры, когда отцу больше 60 лет, или он не в здравом уме, или своему сыну даёт доверенность распоряжаться по своему усмотрению. Если отец умер и хозяйствует сын, и жива мать, то сын, хотя и может делать договоры, должен советоваться с матерью».

Существовавший обычай воспрещал домохозяину предпринимать важнейшие распорядительные действия, например, отчуждение имуществ-

ва без согласия всех взрослых членов семьи. Такое ограничение в праве распоряжения имуществом преследовало цель – не допустить разорения крестьянского двора. В случае неплатёжеспособности двора сельское общество ограничивало домохозяина в его действиях по распоряжению семейным имуществом. С целью недопущения расточения имущества двора сельский сход мог расторгнуть сделку, если она была совершена не в силу необходимости, а с целью извлечения средств для пьянства. По жалобе членов семьи мир мог лишить нерадивого хозяина права распоряжаться имуществом двора, и передать это право брату, старшему сыну или жене. После такого решения схода всякая продажа чего-либо из хозяйственной принадлежности двора таким лицом считалась недействительной.

Заключение сделки в русском селе непременно сопровождалось определённым ритуалом, который включал в себя рукобיתье, молитву, магарыч. В вологодских деревнях неизменными действиями во время заключения договора являлись литки, рукобитие, молитва и нередко еда или целование земли. Подобным обрядам и символическим действиям жители русского села придавали громадное значение – в смысле обычая и религиозных воззрений.

По свидетельству самих крестьян, дела по сделке велись по неделе и более, обсуждались до мельчайших подробностей, не торопясь. По обычаю, закончив сделку, стороны ударяли по рукам и молились, произнося при этом «В добрый час! Дай Бог!». Существовал обычай «разнимания рук» третьим лицом, передачи повода проданной лошади, коровы «из полы в полу». Все эти обряды завершались совместной выпивкой («Хоть в убыток продать, а магарыч пить», «Барыш барышом, а магарыч даром»). Житель Болховского уезда Орловской губернии Ф. Костин обычай заключения сделки характеризовал так: «Когда держат договор, то в свидетели берут двух–трёх человек. Дают друг другу руки, молятся Богу и пьют магарыч. Руки друг другу дают обёрнутые полой шубы, один из присутствующих свидетелей должен их разбить». Правовед конца XIX в. Н. Загоскин, утверждал, что таким образом, народ придавал твёрдость и внешние формы своим правовым представлениям. При заключении крестьянских договоров иногда привлекали свидетелей. Их участие придавало сделке легитимность, служило доказательством действительности договора на суде, гарантировало осуществление прав сторон. Главным требованием к свидетелям являлась беспристрастность, т.е. отсутствие необходимости поддерживать интересы той или иной стороны.

Другими средствами обеспечения договоров являлись неустойка и поручительство. Под неустойкой крестьяне понимали «плату убытков и штрафов за неисполнение договора». Как правило, неустойка встречалась в договорах, заключаемых между крестьянами и сторонними лицами по настоянию последних. Причём обстоятельством неустойки в таких сделках обременялись именно крестьяне, а другая сторона освобождалась от

неё. В договорах между крестьянами требование неустойки оговаривалось крайне редко. Это свидетельствовало об отношении к ней со стороны крестьян, и то, что соглашались они на неё только по требованию другой стороны.

Поручительством в обычном праве являлось ручательное одобрение членов сельского общества, подтверждение репутации и имущественного состоятельности лица, его возможности выполнить взятые на себя обязательства. К поручительству прибегали преимущественно при заключении договоров крестьян по казённым обязательствам. В сделках крестьян между собой поручительство сторонних лиц не было обязательным. К нему прибегали, если кредитор не был уверен в благонадёжности заёмщика. Поручителей в селе найти было нелегко. Отношение крестьян к поручительству ясно отражено в народных пословицах: «Порука – мука»; «Кто поручится, тот и поучится»; «Жил и горя не знал, а поручился – печаль познал». Крестьяне соглашались быть поручителями неохотно, и только в том в случае, если были уверены в просителе. Обычно такие поручительства имели характер устного ручательства. Соглашаясь по просьбе соседа быть за него поручителем, крестьянин предупреждал его, что денег он за него платить не будет. Таким образом, он нёс лишь моральную, но не материальную ответственность в случае неуплаты долга. Да и волостные суды, согласно с общественным мнением, почти никогда не приговаривали таких поручителей к возмещению долга, в случае неисполнения договора займа.

Реже, поручительство в русском селе облекалось в письменную форму. Поручительство подписывалось всеми участниками сделки и скреплялось печатью волостного правления. Вот образец такого поручительства: «Я, нижеподписавшийся, крестьянин Сугоновской волости, с. Сугуново, Карп Игнатов, заключил настоящее соглашение с церковным старостой Иваном Гордеевым в том, что он, Иван Гордеев, даёт мне в заём тридцать рублей (30 р.) с тем, чтобы я, Карп Игнатов, эти деньги возвратил ему, Ивану Гордееву, или кому он укажет, по прошествии года со дня получения мной тридцати рублей, считая таковой от 8 июля 1897 г. по 8 июля 1898 г.. В том случае же, почему-либо с моей, Карпа Игната, стороны последует неуплата тридцати рублей Ивану Гордееву, то он, Иван Гордеев, по прошествии срока может востребовать полностью от поручителя в селе, моего односельчанина крестьянина Егора Ивановича Букатеева». В таких ситуациях волостные суды всегда имели основания взыскать с поручителя по договорным обязательствам недобросовестного заёмщика.

Обыденным явлением в селе были займы зерна до нового урожая. Зерно занимали как для посева, так и для пропитания. За исключением ростовщиков, крестьяне давали хлеб в долг без процентов. Возврат обыкновенно производился осенью, когда урожай снят и обмолочен. Заём крестьянами денег друг у друга чаще всего производился без платежа про-

центов, а лишь за угощение водкой. Такие сделки старались заключать без свидетелей из-за страха того, что присутствие постороннего может иметь неблагоприятные последствия для сторон. Согласно существовавшим в русской деревне суевериям, займы не давали, когда родится животное, в заговорные дни, в большие праздники, в чистый понедельник, в Великий четверг, в Фомин понедельник, а также в дни, когда начинали косить, жать, пахать, возить навоз и т.п.

По мере развития товарно-денежных отношений в конце XIX – начале XX в. большее значение приобрели денежные займы, которые нередко удостоверялись расписками, преимущественно в тех случаях, когда займодавец выступал не член сельской общины. О распространённости этой формы займа свидетельствует значительное количество дел о взыскании денег с должников, рассмотренных участковыми земскими начальниками. Так, у земского начальника 1-го участка Моршанского уезда Тамбовской губернии в период с августа 1890 по июль 1891 г. таких дел было 43 или 24% от всех дел, бывших в производстве. Это даёт основание предположить, что неисполнение долговых обязательств в среде сельских жителей было делом довольно распространённым.

При обращении кредиторов в волостной суд с исками о возврате долга недобросовестными заёмщиками требовалось представить расписки или в случае отсутствия таковых заявить свидетелей, которые могли подтвердить суть претензий. В делах о возврате денежного займа суд часто отсрочивал взыскание долга, до уборки и продажи хлеба, или принимал решение об уплате его по частям, даже без согласия на то кредитора.

Брать большие проценты в глазах крестьян считалось делом греховным, предосудительным. «Ростовщик» в деревне было бранным словом. В повседневной жизни деревни заём небольших сумм (до 10 р) был делом обычным и никаких расписок не требовал. Брать проценты в смысле денежного вознаграждения крестьяне считали грехом. Ярославские крестьяне утверждали, что брать при возврате долга лишние деньги – это большой грех. В то же время требовать за дачу в долг работу греховным в крестьянской среде не считалось. По мнению селян, это было одолжение за одолжение.

Иногда заём обеспечивался залогом. Залог состоял в какой-либо ценной вещи, превышающей стоимость долга, например, в платках, шубах, кофтах и т.п. Залогоприниматель не имел права пользоваться заложеной вещью до срока выкупа, после же срока она поступала в его полное распоряжение, и он не только мог её носить, но и продать. Правда, в ряде тамбовских сёл кредитор имел право распоряжаться заложеной вещью только с дозволения волостного правления.

Уплата долга могла быть отсрочена только в исключительных обстоятельствах: неурожай, пожар и т.п., при обязательном условии внесения договорённых процентов. В русском селе бывали случаи, что займо-

давец соглашался на отработку долга должников, если тот его не мог вернуть. Согласно правовым воззрениям русских крестьян за долг, сделанный одним членом семьи, ответственность падала на всех членов семейства, так как предполагалось, что он сделан на общесемейные нужды.

По представлению сельских жителей, недопустимым считалось изъятие у неплательщика долга вещей и удержания их до его погашения. «Для этого суд есть, а не твоя воля», – говорили в таких случаях крестьяне. Однако в случае неуплаты мирских сборов, общественного штрафа сход всегда мог взять у неисправного плательщика что-нибудь из имущества. И такое самовольное изъятие собственности возражений в сельской среде не вызывало. «Потому, как мир – хозяин над каждым и супротив его идти нельзя».

Договор найма работника в деревне был распространён достаточно широко. К нему прибегали хозяйства, испытывавшие дефицит рабочих рук. В работники шли по большей части младшие, невыделенные члены крестьянской семьи – сыновья, братья. Несовершеннолетние и неотделённые члены крестьянской семьи, как не обладающие полной дееспособностью, не могли заключать договор личного найма – без согласия или против воли главы дома – большака. Исполнение такого договора для сына являлось обязательным. Невыполнение обязательств, обусловленных договором, со стороны малолетних влекло за собой уже ответственность главы семьи.

По обычаю, работника нанимали на год или на лето. Сроки летней службы определялись с Егорьева дня и по 1 октября, годовой – с заговин, т.е. с 14 ноября. Обычный порядок найма работника был приведён этнографом В. Бондаренко, изучавшим в конце XIX в. быт крестьян Кирсановского уезда Тамбовской губернии. «Когда обе стороны, сошедшись вместе, сговорятся в условиях, то бьют друг друга по рукам, затем снимают шапки, крестятся и идут к новому хозяину; там последний даёт в задаток рубль или два и все пьют магарычи, причём за первой рюмкой говорит хозяин: «Ну, дай тебе Бог владеть моими деньгами, а мне – твоими трудами», а работник выражается наоборот. Водка покупается пополам хозяином и батраком по пословице: «С одного вола двух шкур не дерут». С этого момента договор считается заключённым.

Условия найма обычно были словесными. Хозяин, при заключении договора, подробно перечислял работнику все те работы, которые будут на него возложены, работник обещал не уходить до срока и выполнить все указанные работы. Иногда работник ставил и свои условия, например, чтобы его не заставляли работать по дому, чтобы кормили тем-то, поили чаем столько-то раз и т.п. Условия найма считались заключёнными с выдачей хозяином задатка рабочему.

Задаток за оговорённую работу брался как деньгами, так и съестными припасами. Нередко наёмный рабочий выговаривал уплату за него

податей и других повинностей, а также одежду на время найма. При найме рабочего, согласно обычному праву, хозяин должен был обращаться с работником должным образом, т. е. не изнурять работой, не придирается, не оскорблять и не наказывать. В противном случае работник мог расторгнуть договор и не возвращать задаток. В свою очередь, работник не имел права пьянствовать, лениться, грубить хозяину, отлучаться без его разрешения под страхом уголовной ответственности. Обязательства носили обоюдный характер, и каждая из сторон следила за их выполнением.

Другой формой имущественного договора, сопряжённого с обязательствами сторон, был договор аренды. Предметом найма у тамбовских крестьян выступало имущество: пахотная земля и реже молотилки и амбары. Арендовали в селе в основном пашню. Крестьяне исполу арендовали земли у помещиков, не желающих лично заниматься уборкой или не имеющих на это средств, под один яровой посев овса, проса или гречихи. Арендатор своими силами пахал и бороновал землю, сеял её своими семенами, а затем косил, убирал, молотил и свозил зерно в указанное место; за что владелец земли отчислял ему половину убранный зерна. В договорах о сдаче в аренду пахотной земли и лугов крестьянами оговаривались следующие условия: размер платы, срок и порядок расчёта.

Договор аренды обычно заключался в письменной форме. При обнаружении негодности нанятого предмета, договор расторгался. Арендодатель мог отобрать обратно сданное в аренду имущество только в том случае, если наниматель нарушил какие-либо условия договора. В случае порчи имущества и отсутствия добровольного соглашения о возмещении, убытки взыскивались через суд. При нарушении договора арендодателем, при отсутствии мирового соглашения, волостной суд определял сумму убытков, понесённых нанимателем, которая и взыскивалась по решению суда. Арендная плата, в большинстве случаев, производилась при заключении договора. Наниматель, отказавшийся от договора ранее условленного срока, лишался отданных вперед денег. При желании пролонгировать договор арендатор должен был завить об этом владельцу за 2–3 месяца до окончания срока.

Весьма был распространён в русской деревне обычай – отдавать коров и овец «на подержание», проще говоря, во временное пользование. Срок такой аренды скота составлял, как правило, год. Крестьянин, взявший корову «на подержание», платил владельцу от 2 до 7 рублей в год. Молоком пользовался содержатель, приплод также шёл в его пользу. В случае гибели скотины по вине арендатора, он выплачивал владельцу её полную стоимость. Если животное пало в результате эпизоотии или вообще «по воле Божьей», то с содержателя не только ничего не взыскивалось, но и владелец возвращал часть денег (до ½), взятых за подержание вперёд.

В русской деревне законными способами приобретения считались купля-продажа, находка, дарение, вырытые клады. Наиболее распространённым способом являлась купля-продажа. В деревне говорили: «За что деньги отдал – силком не отнимут». Прежде чем купить ту или иную вещь, крестьянин, как правило, присматривался, оценивал и долго торговался. Если продавец и покупатель приходили к соглашению о цене, то последний вносил задаток. В случае отказа покупателя от сделки задаток не возвращался. Если же продавец, получив задаток, отказывался продать вещь по договорённой цене, то с него в ряде мест взыскивался двойной задаток. Покупатель мог отказаться от возвращения задатка и настаивать на передаче ему купленной вещи. В таких случаях волостной суд всегда был на стороне покупателя и требовал от продавца выполнить свои обязательства, присуждая при этом ещё к денежному штрафу или аресту. Отношение крестьян к обязанностям сторон в договоре купли-продажи выражено в народных пословицах: «Купил не кайся, продал – не пятася»; «Задаток из дома гонит».

По форме договора купли-продажи в крестьянской среде были как устные, так и письменные. В письменную форму, как правило, облекались все наиболее значимые сделки по отчуждению недвижимого имущества (дом, земля и т.п.). При заключении договора покупатель отдавал продавцу условленную сумму или ограничивался задатком. Величина задатка зависела от ценности вещи, степени доверия продавца к покупателю и условий договора. Пока вещь не перешла в руки покупателя, он мог от неё отказаться, лишаясь при этом задатка. Если сделка прерывалась по взаимной договорённости, то задаток полностью или частично возвращался покупателю.

В русской деревне была известна и условная продажа, чаще всего к ней прибегали при продаже дома. Условия такой сделки могли быть самые разные. Например, крестьянин продавал дом другому крестьянину с условием, того чтобы тот стоял на земле продавца до «изстоя», в другом случае дом продавался с тем условием, что бывший владелец будет проживать в нём до самой своей смерти, или дом продавался, а покупатель должен был выдать третьему лицу известную сумму денег.

К договору мены крестьяне относились также серьёзно, как и к договору купли-продажи. «Менять – не пенять», – говорили крестьяне. Обмен недвижимого имущества встречался в селе довольно редко, и практиковался в сфере пользования земельными наделами. Это делалось с целью удобства обработки полевого надела. Из движимого имущества крестьяне чаще всего меняли лошадей. Это происходило на ярмарках, базарах. Такой обмен совершался как с доплатой деньгами одной из сторон сделки, так и с «уха на ухо», т.е. без всякой придачи. При этом в некоторых случаях писали расписку, как при покупке лошадей.

Договорные отношения в русском селе конца XIX – начала XX в. регулировались нормами обычного права, которые порой значительно отличались от положений гражданского законодательства Российской империи. Так, сговор в ходе брачного соглашения, не имевший по закону обязательной юридической силы, с позиции обычного права являлся основанием для возникновения определённых правовых последствий. Дееспособность в крестьянском восприятии была связана не с достижением определённого возраста, а наступала с обретением статуса домохозяина. В решениях вопроса о взыскании долга с недобросовестного заёмщика волостные суды принимали во внимание хозяйственное положение ответчика и могли изменить существенные условия договора. С развитием товарно-денежных отношений в русском селе письменная форма договорных отношений стала преобладающей, что отразило желание крестьян защитить свои права по закону.

2.4. НАСЛЕДОВАНИЕ, ОПЕКА И УСЫНОВЛЕНИЕ В РУССКОМ СЕЛЕ

Функция социальной защиты своих членов, традиционно, была для сельской общины одной из важнейших. Крестьянская опека над сиротами основывалась как на проявлении традиций христианского милосердия, так и на действии правовых обычаев русской деревни. Материалы, освещающие проблему призрения в сельском быту, дают основания утверждать, что крестьянские обычаи относительно опеки носили юридический характер. В «Общем положении о крестьянах» вопрос об опеке разрешался на основе норм обычного права. В нём, в частности, говорилось о том, что «в назначении опекунов и попечителей, в проверке их действий и во всех всего рода делах крестьяне руководствуются местными своими обычаями».

Следует отметить, что крестьянские обычаи в области призрения «сырых и убогих» отличались завидным единообразием. Опека над детьми в деревне устанавливалась в случаях смерти одного или обоих родителей, а также в случае их умопомешательства или неизвестного отсутствия. Юрист М.И. Зарудный, изучавший правовые воззрения русских крестьян второй половины XIX в., в своём исследовании писал, что «опекун назначается обыкновенно сельским сходом. За управление имуществом никакого вознаграждения не получается». Существование в русской деревне правового обычая опеки подтверждается документами сенатской комиссии по преобразованию волостных судов, собравшей обширный фактический материал, характеризующий состояние крестьянского правосудия в начале 70-х гг. XIX века. В заключении комиссии по результатам обследования волостей Тамбовской губернии утверждалось, что «для заведывания имуществом малолетних сирот общество выбирает опекуна».

Аналогичные сведения о крестьянской опеке содержатся в материалах этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. В корреспонденциях

сельских жителей, датируемых концом 90-х гг. XIX в., сообщалось, что «мир обязательно заботится об устройстве малолетних сирот» (Костромская губерния); «община в отношении сирот принимает самое деятельное участие» (Калужская губерния); «опека устраивается с целью прокормить опекаемого до совершеннолетия и сохранить его имущество» (Вологодская губерния).

Назначение опекунов являлось исключительной прерогативой сельского схода. По утверждению В.В. Тенишева: «Мир всевластен в отношении назначения опекунов: он имеет право отстранить от опеки не только близких родственников, но даже и мать, он может аннулировать завещательное распоряжение, касающееся опеки». Установление опеки над детьми, оставшимися без попечения родителей, в русской деревне осуществлялось посредством составления общественного приговора. «Назначение опеки и попечительства над сиротами делается сельских сходом, миром, без соблюдения формальностей», к такому выводу приходит Е.Т. Соловьев, автор очерков народного юридического быта. По мнению юриста Н. Бржеского, в ряде волостей Пензенской, Саратовской, Тамбовской губерний опекунов не устанавливалось. В таких волостях сирот вместе с имуществом разбирали родственники, и о дальнейшей судьбе этих сирот ничего не было известно. В деревнях Вологодчины на сельском сходе, собираемом для выбора опекуна, составлялся приговор, который вносился в особую, «приговорную книгу», хранящуюся у сельского старосты. Составление именно письменного решения об установлении опеки было в большей мере характерным для крестьянского быта второй половины XIX в.

Право первой очереди предоставлялось матери, которая считалась «естественной» опекуной. Так, при назначении опеки в селах Тамбовской губернии «после смерти домохозяина опекуной обыкновенно назначалась его вдова, если она женщина хорошего поведения и рачительна к хозяйству». Но в случае её неблаговидного поведения или недоверия общества к ней приставляли дополнительно опекуна – часто из родственников мужа, а иногда и совершенно постороннего человека. Так в с. Рождестве Пошехонского уезда Ярославской губернии после смерти крестьянина Н. сход назначил опекуном его сыну Ивану родного дядю, так как вдова покойного «отличалась своим лёгким разгульным поведением».

В ряде сёл по местному обычаю, вдова при повторном замужестве и переходе на жительство в чужой двор утрачивала право опеки. Если мать брала мужа себе в дом, то опекуном мог стать отчим, но лишь в том случае, если был достойным человеком и перед всем сходом давал обещание заботиться о детях жены. Таким образом, благочестивая репутация опекуна выступала главным критерием в решении вопроса установления опеки. В этом наглядно проявлялось действие нормы обычного права – решать, «глядя по человеку».

Опекуны назначались из числа родственников, преимущественно близких, связанные с малолетними сиротами не только кровной связью, но и хозяйственными интересами. По сообщению Н. Козлова, корреспондента Этнографического бюро из села Архангельского Кромского уезда Орловской губернии, «Опекуны назначаются преимущественно из своих односельчан, либо родственников, либо из-за отсутствия таковых, – соседей, или просто из благонадёжных однообщественников». Выбор опекуна производился на сходе, и решение об этом оформлялось мирским приговором, который представлялся на утверждение земского начальника. После выбора или назначения опекуна на сходе староста с вновь избранным и с понятными из крестьян описывал имущество, и опись эту вносил в отдельную книгу, называемую «опекунской».

Если после смерти родителей в крестьянском дворе оставалось движимое имущество, то оно продавалось, а вырученные средства отдавались в волостное правление. Оттуда деньги выдавались желающим в ссуду под проценты, с условием одного поручительства на каждые 10 рублей. По завершению опеки денежные средства и проценты по ним возвращались опекаемому. Земельный надел сиротского двора сдавался миром в аренду желающим общинникам за уплату податей.

Материальное обеспечение сироты являлось главной заботой односельчан. Круглые сироты проживали у своих родственников, которые содержали их на свои средства, в случае отсутствия дохода с имущества опекаемого. При таком способе опеки мир никаких письменных актов не составлял. Существование обычая попечительства без наследства трактовалось некоторыми исследователями обычного права как отсутствие опеки у крестьян.

В судьбе ребенка, оставшегося без попечения родителей, принимала участие вся община. В том случае, если сирота не имел имущества, ему избирали воспитателя, который о нём заботится «до тех пор, пока он не сможет пропитываться именем Христовым». Если родственники не были в состоянии содержать сирот, то их раздавали по состоятельным дворам. Иногда прокормление сироты брало на себя общество в целом, как это было в ряде мест Орловской губернии. В этом случае сиротский надел отходил к общине, а сам опекаемый переходил из двора во двор поочередно, получая необходимое содержание из мирских сумм. В Костромской губернии бедные сироты кормились по дворам поочередно. «Отчего для Бога не покормить», – говорили местные крестьяне. В Ярославской губернии сироты воспитывались на мирской счёт. В д. Остееве Ростовского уезда после смерти вдовы грудной ребенок был отдан в семью, где хозяйка недавно родила. Воспитывался он в этой семье до девяти лет, а потом был отдан в подпаски. Мир платил за воспитание ребенка 3 р. 50 коп. в месяц. По достижению 12 лет общество отдавало деревенских сирот «в

люди»: мальчиков в пастухи, девочек в «пестуньи», где они уже на себя сами зарабатывали хлеб.

По обычному праву опека прекращалась в случае смерти подопечного или по достижении им совершеннолетия. Срок окончания опеки зависел от местных традиций. Возраст снятия опеки по документам колебался от 18 до 25 лет. Обычно опеку снимали по достижении 18 лет. В Орловской губернии за совершеннолетний возраст был принят 21 год, до исполнения которого опекаемый не имел права распоряжаться деньгами и оформлять нотариальные сделки. Также опека всегда прекращалась с женой или замужеством. Снятие опеки и передача опекаемым их имущества производились при участии и по приговору сельского схода, назначающего обыкновенно тем же приговором по просьбе и указанию несовершеннолетних – и попечителя, который является ответственным перед обществом за заключаемые несовершеннолетним юридические сделки.

Как правило, опекуны за свою деятельность никакого вознаграждения не получали. По суждению русских крестьян: «Опекунство – дело Божье, усердие к сиротам», «брать что-либо от сирот – грех», «опека служба, а не труд». «По народным воззрениям, пользоваться прибытком от имущества малолетних или приплодом от скота опекун не имел права... Доходы должны идти на нужды малолетних сирот». Опекун не мог распоряжаться вверенным ему имуществом, а только пользоваться. По сообщению корреспондента Этнографического бюро, опекун не получал за управление имуществом «никакого вознаграждения, только благодарность общества и сирот». Опекун не мог наследовать имущество опекаемого. В случае смерти малолетних, если не было законных наследников, имущество их считалось «вымороченным» и поступало в продажу.

Контроль над действием опекуна возлагался на старост и старшин. Опекун должен был периодически отчитываться перед сходом об исполнении своих обязанностей, но на практике сельский мир не всегда уделял должное внимание защите интересов сирот. Часто на руки опекуну выдавали особую книжку, в которую он записывал приход и расход по имуществу опекаемого. Один или два раза в год опекун представлял письменный, а если неграмотный, то устный отчет сельскому сходу. Сельский староста с участием волостного писаря проводил ревизию имущества согласно описи. В случае обнаруженной растраты опекун должен был возместить ущерб из собственного имущества, что осуществлялось в большинстве случаев в форме судебного иска. В ряде мест, например в Болховском уезде Орловской губернии, за растрату имущества сироты опекун по приговору сельского схода мог быть подвергнут наказанию в виде ареста. Помимо всего этого опекун, ненадлежащим образом исполняющий свои обязанности, приговором сельского схода устранялся и заменялся другим. Так поступали в селах Курской губернии. Внимание к положению сельских сирот усилилось с введением института земских начальников,

так как в их обязанности входил контроль над системой крестьянской опеки. В деревнях Нижегородской губернии «в случае злоупотребления со стороны опекуна, земский начальник производил дознание, отстранял опекуна от должности и придал его суду».

Порядок сельской опеки сложился исторически, являлся проявлением общинной традиции русской деревни и основывался на нормах обычного права. Принимая опеку, крестьяне руководствовались мотивами: религиозными – проявление христианского милосердия, этическими – достойно выглядеть в глазах «мира», экономическими – иметь в хозяйстве рабочие руки. Добросовестное исполнение опекуном своих обязанностей достигалось контролем со стороны должностных лиц сельского самоуправления и силой общественного мнения.

Порядок наследования у русских крестьян по обычному праву имел ряд особенностей, которые отличали его от наследственного права действующего законодательства. В ст. 13 Общего положения о крестьянах в порядке наследования имуществом дозволялось руководствоваться местными обычаями. Местный обычай в порядке наследования мог применяться даже если он противоречил существующему законодательству. По крестьянскому обычному закону потомки наследовались не по праву наследования в смысле гражданского законодательства, а по праву членства в семейном хозяйствующем субъекте (дворе).

Письменные завещания для деревни были редкостью. Если они и составлялись, то в присутствии священника или члена волостного правления при трёх свидетелях. Чаще всего крестьяне отдавали распоряжения завещательного характера на словах. Словесные завещания в правовой практике русской деревни имели такую же силу, что и письменные. «Это святой закон, чем отец перед смертью благословил, тем тому и владеть». Воля наследодателя не могла противоречить сложившимся в крестьянском быту общественным и нравственным нормам. Сельский сход строго следил за тем, чтобы порядок наследования соответствовал сложившимся традициям. Он твёрдо стоял на защите общинных интересов и не утверждал те завещания, которые их нарушали. Так, не утверждались завещания в пользу дочери, если у завещателя оставался малолетний сын. Крестьяне говорили: «Нельзя обойти сына, этой неправды общество допустить не может». Не допускалось также завещание посторонним лицам.

Общая семейная собственность – это основная особенность обычного права русских крестьян. Наследование выражалось в распределении общего имущества, а не в переходе права собственности. По смерти домохозяина (большака) всё имущество двора становилось общей собственностью его сыновей, если они остаются жить вместе – одним хозяйством, или делилось ими поровну, если они расходились врозь. Если один из братьев, живущий нераздельно с отцом, умер ещё при жизни последнего,

то при разделе племянникам выделялась часть, какая следовала бы умершему брату.

Традиционный порядок наследования имущества крестьянского двора приведён в ответах корреспондента Этнографического бюро В.П. Каверина. Житель села Костино-Отдельце Борисоглебского уезда Тамбовской губернии в 1900 г. сообщал: «Отцовский дом и всё хозяйство по смерти отца достаётся всем братьям поровну. Также не участвуют в наследстве замужние дочери, а также дочери-вдовы, хотя бы они после смерти мужей жили при отце». По обычаю крестьян деревень Болховского уезда Орловской губернии при распределении наследства хата доставалась младшему брату, а старший должен был выстроить новую избу. За уступку дома и усадьбы младший брат доплачивал старшему лишней постройкой, скотиной или деньгами.

Принцип трудового участия был основным в распределении наследства. Сыновья, отделившиеся при жизни отца, наследства не получали. Сыновья, которые занимались промыслами на стороне, и заработок семье не присылали, получали неполную долю отцовского наследства. Напротив, солдаты в наследстве отца участвовали наравне с другими сыновьями. Крестьяне считали, что «они служили за семью, на службе страдали, а семья за них работала».

Нормы обычного права в порядке наследования имущества крестьянского двора принципиально различались в своём отношении к мужчине и женщине. Женщина вообще не рассматривалась как член двора, поскольку женщины «семьи продолжать не могут». Поэтому женщина не получала владельческих прав в отношении двора, пока в семье оставались мужчины. С другой стороны, некоторые предметы домашнего обихода, одежда, а также приданое считались сугубо женской частной собственностью и передавались от матери к дочери.

Отношение к вдовам варьировалось в разных областях: в одних вдовы становились главой двора и полностью наследовали всё его имущество, в других – не получали вообще никаких имущественных прав. Наличие или отсутствие малолетних детей было главным фактором при определении вдовьих владельческих прав. Так, по обычаю крестьян Тамбовской губернии жена после смерти мужа при неимении детей являлась единственной наследницей всего имущества мужа, в том числе и усадьбы. Для признания её в правах на такое наследство не требовалось письменных актов, жена просто владела имуществом после смерти супруга. Вдова при совершеннолетних детях оставалась жить в доме, и дети были обязаны её содержать. Если она желала жить отдельно, то ей должны были выстроить келью и давать отсыпное (т.е. кормить) до смерти.

Дочери по смерти отца недвижимого имущества не получали. По наблюдению А.Х. Гольмстена «дочери наследуют лишь движимое имуще-

ство и делят его поровну». Устранение дочерей от наследования недвижимым имуществом двора при наличии сыновей отмечено большинством исследователей русской деревни. Дочери оставляют семью по выходу замуж, и поэтому они должны получить только такое имущество, которое не является органической частью хозяйства – приданое.

Молодые незамужние дочери по общему правилу получали часть наследства по усмотрению братьев, жили с ними до замужества и получали от них приданое. В Борисоглебском уезде Тамбовской губернии встречался такой обычай в наследовании: если по смерти хозяина оставалась дочь – девица в возрасте невесты (16 – 20 лет), то она получала от братьев 1/10 часть движимого имущества. Если же она перешагнула этот возраст, то она получала в наследство значительно больше – 1/5–1/6 часть. Старые девы («вековуши») за большой трудовой вклад получали от братьев небольшой дом и пропитание. При отсутствии у умершего домохозяина сыновей, его имущество обыкновенно переходило к незамужним дочерям, включая даже надельную землю, если женщины могли справиться с хозяйством и уплачивать налоги.

Вдовец из имущества умершей жены получал только постель, а остальное имущество возвращалось её родителям; если же после неё оставались дети, то всё имущество переходило к ним. Вдова, если её муж жил в семье своего отца, имущества не наследовала, и ей возвращалось только приданое. Если вдовая сноха имела сына, то она наследовала всю часть имущества, которая полагалась её умершему мужу. Но если она имела девочек, то ничего не наследовала или получала лишь 1/7 часть из доли мужа.

Права принятого члена семьи приравнивались к правам родных наследников, то же самое относилось и к несовершеннолетним сыновьям. В отличие от закона имущество крестьянского двора могли наследовать не только кровные родственники, но и все члены семьи-хозяйства, которыми считались все те, кто работал в хозяйстве и создавал его имущество, – усыновлённые, приёмьши и незаконнорождённые. На равных основаниях с родными сыновьями к наследованию допускался зять-примак, или, как его ещё называли в деревне, «влазень». Если у умершего домохозяина не было родных сыновей, то изба с хозяйством отходила к зятю и на него возлагалась обязанность жить вместе с сёстрами жены, даже если они и получили долю из отцовского наследства.

Обычай допускал наследование в боковых линиях. В ряде мест имущество, в том числе и усадьба домохозяина, умершего бездетным, не признавалось выморочным, а поступало братьям, дядьям, племянникам. Правда, в Козловском уезде Тамбовской губернии непременным условием принятия наследства этой категорией родственников было совместное проживание с наследодателем.

Обычное право в отличие от закона не устранило от наследства входящих родственников: имущество замужней дочери наследовалось либо её матерью, либо отцом. Согласно правовому обычаю тамбовской деревни после смерти сына, если у него не оставалось ни вдовы, ни детей, имущество его отходило к отцу, а не к братьям – «отец старше детей». Бржеский Н., исследователь начала XX в., писал, что «наследственное право родителей (на имущество умерших детей), супругов, незаконнорожденных детей и т.п. с точки зрения крестьянского обычного права представляется более обеспеченным, нежели в писаном законе ...».

Редко крестьянское имущество оставалось без наследников, обмершее, как говорили в деревне. Обычно, размер такого имущества был не значителен, «кто без родни умирает – богат не бывает». Выморочное имущество отдавалось часть миру, а часть сельскому храму.

Случаи наследования семейного имущества не членами семьи практически неизвестны. Передачи по завещанию земли и орудий труда не существовало, и она могла быть всегда оспорена в крестьянском суде как несправедливая. Если после смерти главы потомки не хотели делиться, один из них – как правило, старший сын – с общего согласия становился новым «хозяином».

Следует заметить, что сельский сход не всегда руководствовался данными правилами. Мир заботился, прежде всего о том, чтобы раздел не произвёл неисправных плательщиков, и поэтому определял наследственные части, как говорили на селе, «глядя по человеку».

3. УГОЛОВНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ РУССКИХ КРЕСТЬЯН

3.1. ОСКОРБЛЕНИЕ СЛОВОМ И ДЕЙСТВИЕМ В СЕЛЬСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Наиболее распространённым в сельской повседневности являлось преступление против личности. По подсчётам исследователя Л.И. Земцова, сделанным на основе материалов восьми волостных судов Данковского и Раненбургского уездов Рязанской губернии, за период 1861 – 1878 гг. побои, избиения, драки составляли 41,0% всех рассмотренных дел оскорбление словом, клевета, ложный донос, угрозы – 20,6%. Оскорбление словом или действием в крестьянском восприятии не считались особо опасными, и в ряду правонарушений стояли ниже имущественных. Это объяснялось образом жизни народа и низким уровнем крестьянской культуры, и, как следствие, грубостью нравов.

В деревенской среде оскорбления и драки были явлением обыденным, и в большинстве случаев не становились предметом судебного разбирательства. Словесные перепалки, которые часто возникали в крестьян-

ском быту, сопровождалась всем многообразием русской ненормативной лексики. К таким бранным оскорблениям крестьяне относились спокойно («Брань на ворота не виснет»), понимая, что ругательства произнесены сгоряча, а всё сказанное не по злобе («Собака лает – ветер носит»). Однако крестьяне воспринимали как обиду, ругательство, соединённое с укоризной в чём-либо позорном – воровстве, мошенничестве.

Иногда с целью выказать позор тому дому, к членам которого питают какую-либо ненависть, крестьяне прибегали к символическим действиям: по отношению к мужчине – отрезали хвост у лошадей, по отношению к женщине – мазали дёгтем ворота дома. И эти символические действия в русской деревне считались более тяжким оскорблением, чем побои.

Крестьяне, оскорблённые напрасным наветом, для защиты чести и достоинства обращались в волостной суд, прося поступить с обидчиком «по закону». Словесные обиды волостной суд рассматривал наравне с обидами действием. В деревне считали, что оскорбления, высказанные публично, подрывают репутацию, бросают тень на доброе имя, и приравнивали их к клевете и доносам. Поэтому в случае недоказанности обвинения обидчик строго наказывался. Волостной суд, как правило, приговаривал виновного к штрафу в пользу мирских сумм.

Угроза воспринималась крестьянами как совершённое преступление («Лучше обиду делай, а не угрожай»). Угроза физической расправы («грозил меня убить», «грозил меня сжечь» и т.п.), в представлении народа являлась крупным проступком. Она почти всегда вызывала обращения с жалобой в суд, и потерпевший просил наказать обидчика «по всей строгости». Корреспондент Этнографического бюро из Орловской губернии Ф. Костин указывал на случай, когда крестьянин пригрозил с божбой убить своего брата. Брат подал жалобу в волостной суд. Там сочли дело важным и себе не подсудным и порекомендовали обратиться в общие судебные учреждения.

Отношения в крестьянской семье были далеки от идиллии, а ругань и брань между родными были делом обычным. В делах об оскорблении между родителями и детьми судьи всегда становились на сторону родителей. Волостной суд строго карал тех, кто, нарушив сыновний долг послушания, позволял себе оскорблять, или хуже того бить родителей. Так, Воейковский волостной суд Данковского уезда Рязанской губернии 12 ноября 1872 г. слушал словесную жалобу крестьянки сельца Богословки Матрены Спиридоновой. Истица показала, что её сын, Михаил Кузьмин «ругал её скверноматерными словами ... начал её бить, разбил во многих местах до крови». Судьи постановили: за оскорбление матери подвергнуть Кузьмина наказанию розгами к 20 ударам. Это было максимальное количество ударов, которое мог назначить волостной суд.

Вплоть до конца XIX в. никакой проверки справедливости возводимых на детей обвинений не проводилось, так как считали, что «ни один

родитель не согласиться оклеветать напрасно своих детей». Кроме того, по народным воззрениям, родитель «по своей воле» всегда вправе наказывать собственных детей. Если родители в силу возраста и физической немощи не могли наказывать непутёвого сына или дочь, то они обращались к старосте или в волостной суд. Сына, самовольно отделившегося от отцовского дома или проявившего неуважение к родителям, подвергали телесному наказанию; провинившихся дочерей аресту или штрафу. Так, крестьянин Астафий Данилов 6 августа 1870 г. за избиения отца и матери был наказан розгами.

По действующему законодательству обиды, наносимые детям родителями, если они не подвергали жизнь опасности, были уголовно не наказуемыми. Напротив, крестьянские суды не только не отказывали детям в их жалобах на родителей, но и подвергали последних наказанию, если вина их была доказана. Исследователи обычного права второй половины XIX в., приводили решения, когда по жалобе сыновей на буйство и пьянство отцов, те были приговорены волостными судами к наказанию розгами или аресту.

В случае обращения крестьян в суд, тот в делах об оскорблениях словами чаще всего приговаривал виновного к штрафу в пользу потерпевшего. Так, Перкинский волостной суд Моршанского уезда Тамбовской губернии решением от 21 февраля 1872 года приговорил взыскать с Аникеея Гугучкина один рубль в пользу Федора Верташова за оскорбление того непристойными словами. Оскорбления, высказанные прилюдно, оценивались более строго. В книге записей решения того же суда содержится прошение крестьянки села Черкина Агафьи Немытшевой об оскорблении её Антоном Кудрявцевым на улице словами как-то «воровкою» и «б...ю». Суд приговорил взыскать с обидчика штраф в размере 1 р. 50 коп., а за пьянство наказывать розгами – 5 ударов.

Нередко розги назначались в качестве дополнительного наказания. Так, в 1891 г. Рождественский волостной суд той же губернии за учинённую драку взыскал с Петра Васильева в пользу потерпевшего 3 рубля штрафа и ещё назначил ему 19 ударов розгами. Суд также мог сделать замечание, выговор. Это использовалось в качестве дополнения к более строгим наказаниям. По решению суда выговор мог быть внесён в штрафную книгу. Так, решением Вишневого волостного суда крестьянин Б. за побои без всякой причины был подвергнут 20 ударам розгами с записью в штрафную книгу и штрафа в сумме 3 рублей за бесчестие.

Строго каралось в русском селе оскорбление должностных лиц. Жёсткими приговорами волостные суды закрепляли в крестьянском сознании уважение к должностным лицам сельского самоуправления. Так, за оскорбление непристойными словами сельского старосты села Ивенья крестьянин был приговорён к 12 ударам розгами. Спустя сорок лет, в той же местности аналогичные преступления карались не менее сурово. Питер-

ский волостной суд Моршанского уезда Тамбовской губернии в 1915 г. подверг крестьянку села Кершинских-Борков Наталью Пришкину аресту на 15 суток за то, что она «обзывала всяческими неприличными словами» сельского старосту, который производил опись имущества двора её мужа. Следует заметить, что сельское начальство своим обращением иногда само провоцировало местных жителей на брань в свой адрес. По информации А.И. Михеевой из села Знаменское Орловской губернии: «Требую подати, старшина обычно ругается всяческими неприличными словами, а иногда сажает под арест неисправных плательщиков. Грубости против своей личности ни старшина, ни писарь не потерпят».

Грубость деревенских нравов и приверженность крестьян к насилию в быту являлись причиной преступлений против личности. Обычным правом драки на сельском сходе были запрещены, но общественное мнение деревни считало допустимым выяснение отношений на базаре и в кабаке. По наблюдению информатора Кашина из с. Архангельского Коротоякского уезда Воронежской губернии, «драки между крестьянами происходят главным образом в кабаках, во время престольных праздников. Масса драк происходит во время свадеб и дележей». Иной раз крестьянин, затаивший обиду, старался затащить обидчика в питейное заведение, чтобы там с ним расправиться. По сведениям из Орловской губернии, побитым в кабаке мог оказаться и старшина, и урядник, и староста. А если пострадавший пытался подать жалобу, ему разьясняли на сходке, что «хорошие люди в кабак не ходят, там всякое бывает, там и чинов нет».

Деревенская потасовка являлась любимым зрелищем сельских обывателей. «Зеваки с удовольствием собираются посмотреть на дерущихся, подбадривая их криками. Драки всегда кончаются миром, который скрепляется совместно выпитым магарычом», – сообщала корреспондент Этнографического бюро В. Булгакова из села Козинки Орловского уезда. Чувство мести не было свойственно русскому мужику. Взаимное рукоприкладство не становилось помехой в дальнейших отношениях между общинниками. Повседневный опыт указывал крестьянину на собственную предрасположенность к неконтролируемым способам поведения, поэтому забыть нелояльное поведение соседа было нетрудно.

С введением волостных судов у сельских жителей, особенно у крестьянок, ставших жертвами насилия, появилась возможность защитить свою честь и достоинство посредством обращения в суд. Как правило, суд вставал на защиту потерпевшего, и обиженный мог получить денежную компенсацию. Так, за нанесение побоев солдатке Аграфене Конопкиной крестьянином Ф., тот был оштрафован волостным судом на 5 рублей. Нередко наряду со штрафом к виновному применяли и телесные наказания. В 1891 г. волостной суд рассмотрел дело о бесчестии крестьянской девицы Елены Новиковой. Суд признал крестьянина Петра Васильева, жителя

деревни Решетовка Рождественской волости Козловского уезда, виновным в оскорблении и нанесении побоев Новиковой. Он взыскал с него 3 рубля в пользу потерпевшей и за драку подверг его телесному наказанию розгами 19 ударов. Жалоба Васильева на приговор волостного суда в Борисоглебское уездное по крестьянским делам присутствие была оставлена без удовлетворения.

Почти во всех решениях волостных судов по делам о побоях женщин наблюдалась одна особенность: оскорбление замужней женщины каралось сильнее, нежели вдовы или девицы. За побои замужней женщины обидчик наказывался или 15 – 20 ударами розог, или штрафом в 5 – 10 рублей, тогда как за побои девушки или вдовы карали штрафом от 60 копеек до 2 рублей, или повергали трёхдневному аресту. Таким образом, за одно и то же преступление волостной суд определял разную меру ответственности, так как общественный статус замужней женщины был выше, чем у незамужних девиц и вдов.

По мере роста крестьянского самосознания в целом и эмансипации сельских женщин в частности, к концу XIX века в волостных судах заметно увеличилось число дел о семейных побоях. В ряде случаев суды вставали на защиту чести и достоинства женщины и наказывали семейных деспотов. Правовед А.Х. Гольмстен приводил примеры, когда волостные суды, за нанесение побоев жёнам приговаривали их мужей к наказанию розгами от 10 до 20 ударов. Более того, чтобы не допустить повторения рукоприкладства, с мужей-дебоширов бралась подписка в том, что они будут обращаться с женой должным образом.

Иногда такие подписки носили предупредительный характер и к наказанию виновных суды не прибегали. Вот содержание одного из таких обязательств: «Я, нижеподписавшийся, Г., в присутствии волостного суда, обязуюсь впредь родную сестру свою не обижать и не причинять ей каких-либо побоев и дерзостей, в противном случае, волостной суд волен меня, Г., наказать розгами по своему усмотрению». Развитие правовой культуры села проявлялось в том, что волостные суды видели свою задачу не только в наказании виновного, но и в профилактике преступлений.

Волостные суды следует рассматривать как форму перехода от традиционного народного правосудия к государственному законодательству. Формирование юридической культуры происходило на основе общеправовой системы. При всех недостатках сельского судопроизводства волостной суд являлся той силой, которая закрепляла и сохраняла нормы поведения в обыденных жизненных ситуациях.

Практика волостных судов в решении дел, связанных с преступлениями против личности, показывает, что оскорбления чести и достоинства, равно как и физические посягательства, наказывались достаточно сурово. Увеличение числа крестьянских обращений в волостные суды по

делам такого рода являлось свидетельством роста самосознания населения русской деревни.

3.2. ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В КРЕСТЬЯНСКОЙ СРЕДЕ

Особенность юридического положения российского крестьянства в пореформенный период заключалась в его правовом дуализме. С одной стороны, на крестьянское население не было распространено действие позитивного права, с другой, – волостные суды должны были выносить решения на основе действующего законодательства. Повседневная практика правоотношений в русском селе осуществлялась в рамках норм неписаного права, но за пределами крестьянского мира функционировало иное правовое пространство. Период модернизации страны стал временем существенных перемен во всех сферах жизни русского села, в том числе и в области правовой культуры крестьянства. Как и любая правовая система, область неписаных законов не оставалась неизменной и эволюционировала под влиянием условий общественного развития.

В разрешении правовых коллизий повседневности русское крестьянство руководствовалось обычаем, получившим правовой статус по реформе 1861 г.. При всём многообразии местных условий обычное право русской деревни отличалось завидной однородностью. Причины такого единства, несомненно, связаны с социальными структурами российского крестьянства, с характером крестьянского двора, со спецификой села, с характером общины, с особенностями семейных отношений.

Из всего многообразия правоотношений русской деревни, в которых проявлялись различия в содержании государственного закона и сути правового обычая, рассмотрим лишь сферу корыстных преступлений. Положения официального закона и нормы обычного права существенно расходились в трактовке имущественных преступлений. Если закон стоял на страже прав собственника и преследовал любое покушение на чужую собственность, то по обычному праву некоторые кражи вообще не считались преступлением, а в оценке других наблюдался дифференцированный подход. Если цель уголовного закона состояла в том, чтобы покарать, отомстить за содеянное преступление, то деревня в своём обычно-правовом мировоззрении считала, что главное в том, чтобы преступник раскаялся и исправился. Прощение, которое преступник испрашивал у потерпевшего и сельского схода, всегда выступало смягчающим обстоятельством.

Освобождение крепостных крестьян от барской зависимости имело негативные последствия в плане роста сельской преступности. В русской деревне значительно выросло число правонарушений, в том числе и имущественного характера. Так в Тамбовской губернии количество зарегистрированных преступлений увеличилось: воровства с 289 в 1860 г. до 829 в 1866 г., грабежа соответственно 7 и 76. Приведённые цифры не в полной

мере отражают истинные масштабы сельской преступности, так как в них учтены только приговоры общих судов. Данная тенденция сохранилась и в последующий период. Официальной судебной статистикой отмечен рост числа крестьян, осуждённых за кражу, грабёж, разбой. В этих преступлениях тамбовские крестьяне в 1881 г. составляли 77,0% от общего числа осуждённых, а в 1901 – 82,4%. С введением в русской деревне института земских начальников (1889) дела о кражах в их судебной деятельности встречались наиболее часто. Так, земскими начальниками Курской губернии в 1893 г. было рассмотрено 7489 уголовных дел, из которых 1815 дел о кражах. В соседней Орловской губернии за этот же год в производстве земских начальников находилось 6135 уголовных дел, из которых на кражи приходилось 1113 дел, а кроме этого, 2006 дел было рассмотрено по лесным порубкам.

Мелкие правонарушения составляли наибольшую часть противоправных действий в русской деревне. По мнению современного исследователя Б.Н. Миронова, мелких преступлений в селе совершалось в 3–4 раза больше, чем регистрировалось. Дела о сельских кражах в большинстве своём находились в юрисдикции волостных судов. По данным за 1905 г. в 232 волостных судах Воронежской губернии в производстве было 35 397 дел, из них 4888 дел о краже, мошенничестве и обмане. Следует отметить, что более половины дел в волостных судах заканчивались примирением сторон, в том числе и по кражам, а, следовательно, и не фиксировались. Как правило, мелкие кражи в селе не становились предметом судебного разбирательства. В случае обнаружения виновного и возвращения им похищенного дело заканчивалось миром. Потерпевшая сторона в суд не обращалась, а удовлетворялась магарычем, который выставлял уличённый вор.

Похищение чужого имущества в сельском быту было делом обыденным. Жительница деревни Талызиной Орловского уезда А. Михеева так описывала нравы своих односельчан: «Летом друг у друга воруют с поля намолоченный хлеб с тока, насыпают в голенища сапог, карманы. В рабочую пору воруют с поля снопы, верхние с конца или нижние, чтобы не было заметно. Наблюдения информатора из Вологодской губернии аналогичны по своей сути. «Воруют: хлеб из амбаров, с гумна, снопами с поля; одежду, обувь; из домашней утвари – самовары, котлы; из сеновалов – сено».

Чаще всего объектом посягательства становилось имущество богатых односельчан. Так из Орловской губернии сообщали, что «у зажиточных крестьян бедные крадут без всякого смущения, и не считается грехом во время возки хлеба утащить с поля полкопны, но бедные у бедных крестьян редко воруют, разве в случае крайней нужды». Оценка крестьянами ущерба от кражи зависела прежде всего от имущественного положения потерпевшего. В правовых воззрениях крестьян, основанных на обычном

праве, субъективный фактор («глядя по человеку») являлся преобладающим. К краже у бедняка в Ростовском уезде Ярославской губернии относились гораздо строже, чем у богатого крестьянина. Местные крестьяне рассуждали так: «Ежели у богача украдут, то это ещё не беда, богач живо поправится, а бедняка обокрадут, так совсем его по миру пустят». Наибольшее осуждение в вологодских деревнях вызывала кража у бедных и сирот.

В русской деревне не считались преступными действия, вызванные чрезвычайными обстоятельствами («Нужда закона не знает»). Так, в представлениях крестьян присвоение чужого имущества по причине голода выступало обстоятельством, которое оправдывало вора и освобождало его от ответственности. Преступления такого рода в суждениях деревенских жителей находили своё оправдание: «Не умереть же ему с голоду, не есть же ему своих детей, ведь никто не назовётся ему хлебом, быть и украсть»; «Ныне не евши, завтра не евши, тоже за живот возьмёшься, пойдёшь и украдёшь и греха не побоишься». Известный знаток обычного права Е. Якушкин в своём исследовании приводил пример, когда в голодный год крестьяне свозили чужие копны, оставляя записку, что взято из крайней нужды. На следующий год то, что было взято, непременно возвращалось на прежнее место. Крестьяне терпимо относились к кражам, когда украденного хватало лишь на утоление голода.

Не воспринималось в русской деревне как преступление воровство плодов, овощей в крестьянских садах и огородах. «Репа да горох сеются для воров», – гласит народная пословица. На срывание плодов и хищение овощей сельской молодёжью местные жители смотрели как на «шалости», «баловство». О краже яблок в садах орловские крестьяне говорили: «Кабы люди не крали яблок в чужих садах, может быть, и Бог не зарождал столько плодов». Не считалось предосудительным сорвать плоды в чужом саду для собственного потребления или в качестве гостинца детям. Однако, если огород, в котором росли овощи, был огорожен, то рвать там огурцы считалось кражей. В селах Ростовского уезда Ярославской губернии за кражу с огородов репы штрафовали: взрослых – рублём, несовершеннолетних – полтинником.

Уважение к частной собственности у жителей села не было развито, что в первую очередь, относилось к собственности помещиков. Заповедь «не укради» по отношению к землевладельцу не работала. Крестьяне не воспринимали как преступление кражу у помещика копны ржи или овса, порубку десятка дубков в господском лесу. По понятиям крестьян, воровство у помещика грехом не являлось. В комментариях редактируемого им сборника юрист Ф.Л. Барыков отмечал: «Крестьянин крадёт лес у соседнего помещика. Воровство чужого леса вещь самая обыкновенная: местным обычным правом она признаётся если не вполне законным, то всё-таки не заслуживающим наказания». И крестьяне воровали у барина при

каждом удобном случае. Они были уверены в том, что соседи их не выдадут. В селе Волконское Дмитровского уезда Орловской губернии крестьяне, не скрываясь от односельчан, производили в экономиях помещиков кражи дров, леса, корма. Не считали преступлением нарубить в барском лесу дров и жители села Шелковка Обоянского уезда Курской губернии, утверждая, что «это не людское, а Божье». По взглядам крестьян Рыльского уезда той же губернии, лес, вода, земля, дикие звери, птицы и рыбы считались Божьими, созданными для всех людей на потребу и в равном количестве. Не было грехом сделать в чужом лесу порубку, наловить рыбу или дичь в чужих владениях.

В основе такого подхода лежал традиционный взгляд крестьян на природу собственности, восприятия труда как единственно справедливого её источника. Исследователь дореволюционного периода И. Тютрюмов делился своими наблюдениями: «Мне лично приходилось встречать солидных крестьян, которые ни за что не согласятся «положить грех на душу» – взять что-нибудь чужое, а между тем, спокойно едут в чужую лесную дачу и хозяйничают там самым бесцеремонным образом». Крестьянская логика в данном случае проста и понятна: не может быть собственностью то, к чему не приложен труд. «Лес никто не растил, а он сам вырос, поэтому лесом может пользоваться всякий, кому заблагорассудится». И такой принцип выступал для крестьян безошибочным критерием. Вот некоторые суждения орловских крестьян, записанные корреспондентом Этнографического бюро в начале 90-х гг. XIX в.. О рыбе, пойманной в чужих реках, крестьяне рассуждали так: «Он на неё овса и муки не истратил, поить не поил, ухаживать не ухаживал, а всеми делами управляет Бог, Его и рыба вся, знать, можно ловить каждому». О потраве лугов говорили примерно то же: «Он не пахал, не сеял траву, стало быть, нет тут никакого греха, покормить лошадь». По утверждению В. Бондаренко, изучавшего обычаи и нравы крестьян Кирсановского уезда Тамбовской губернии в конце XIX в., сбор грибов и орехов в чужом лесу считается вполне дозволенным. «Они общие, Бог их зародил для всех», – говорят крестьяне. Взгляд этот до того крепко установился, что запрещения владельца, встречаемые с изумлением и ропотом, никогда не имеют значения».

Принцип «трудового начала», отмеченный ещё дореволюционными исследователями обычного права, являлся для русских крестьян основополагающим в определении права собственности. По убеждению жителей села, человек, затративший или употребивший известные усилия, известный труд для овладения (фактической) «ничьей вещью», благодаря этому затраченному труду, становится её полным собственником. Так, в русской деревне не являлся преступлением покос травы на чужом лугу, но жатва хлеба на чужой полосе считалась кражей. Преступным также считалась порубка дерева, вырывание плодового куста в чужом саду. Хищение готовых брёвен, нарубленных или напиленных дров в лесу, на взгляд крестьян,

является непременно преступной и наказуемой кражей. В селах Тверской губернии «вытаскивание рыбы из чужих норотов, как и самовольное пользование сеном на чужих лугах, всеми считается за воровство».

Для крестьянской ментальности было присуще наличие двойного стандарта в оценке правонарушений. Исторически сложившаяся замкнутость крестьянского мира выработала критерий этой оценки, своеобразную систему координат «свой–чужой». К «чужим» в селе относились все, кто не являлся членом крестьянского сообщества: помещики, чиновники, горожане, купцы и т.п. По отношению к ним нравственные принципы не действовали, они были представителями чуждого мира, и поэтому враждебного. Особенно воровство в деревне было развито по отношению к имуществу бывших помещиков. Так, в деревнях Калужской губернии «редкий работник не отсыплет мерку зерна на гумне своего хозяина и не украдёт муки, если его пошлют на мельницу».

Порой воровство воспринималось не как преступление, а как удадь, особенно, если оно совершалось где-то на стороне и не по отношению к своему брату-мужику. Крестьяне-отходники из Тамбовской губернии, служившие на пароходах, подрезали кладь и крали мануфактурный товар жёнам на наряды. А по возвращению домой рассказывали о своих «подвигах» односельчанам, при явном сочувствии с их стороны. Не считали крестьяне зазорным для себя покупать краденые вещи. В данном случае их дешевизна являлась для них достаточно весомым аргументом, чтобы не быть столь щепетильными и выяснять происхождение продаваемого товара.

Мужик не признавал со своей стороны предосудительным, несправедливым делом кражу или обман по отношению ко всякому, кто не мужик. В этом следует видеть своеобразную месть крестьянина торговцам, перекупщикам – всем тем, кто не раз и не два обманывал мужика самым бессовестным образом. В отчёте императору за 1891 г. воронежский губернатор сообщал: «Статистическими данными по губернии удостоверено, что при продаже хлеба перекупщикам на вес крестьяне теряют не менее 10%, а при продаже на меру от 17 до 20%, или в среднем 15%». Думается, что крестьяне не были столь наивны, чтобы, если не знали точно, то определённо догадывались об обмане. Поэтому «объехать», «поднадуть», «объегорить» всякого, «кто не мужик», в деревне считалось делом справедливым и разумным и уж никак не преступным.

Не расценивался в крестьянском правосудии как преступление, но караемый по закону, торговый обман. Терпимо крестьяне относились к обмеру, обвесу, продаже некачественного товара. Мелкие торговые плутни также не считались преступлением, а расценивались, скорее, как ловкость. «Обвесы, обмеры, обчёты, продажа плохого за хорошее – преступлением не считается», – утверждали крестьяне Карачаевского уезда Орловской губернии, добавляя при этом: «Они видели, что покупали». Из

Костромской губернии корреспондент сообщал: «Продать гнилое за свежее, худое за хорошее не считается за грех. Вообще обман всякого рода – вещь обыденная». С особым удовольствием крестьяне «надували» городских жителей. Так, при продаже лошадей и коров всячески скрывали недостатки продаваемых животных («На гнилой товар, да слепой купец»). При продаже продуктов крестьянки для большего веса подмешивали в масло сало, приговаривая: «Город яма – все прижрёт».

Из других наказуемых по закону действий, но не признаваемых крестьянами преступными, наиболее распространёнными были беспатентная торговля вином и табаком, торговля продуктами без документов. В нарушении акцизного устава жители села не усматривали никакого греха и преступления, а к шинкарям относятся очень милостиво, считая их даже своими благодетелями. Да и сам крестьянин готов был охотно продать кому угодно бутылку вина, если ему дадут лишний двугривенный. В Ярославской губернии местные крестьяне не видели никакого проступка в тайной продаже водки, а также считали допустимой беспатентную торговлю бакалейным товаром.

Из всех имущественных преступлений самым тяжким в селе считалось конокрадство. В русской деревне пореформенного периода этот вид преступления был достаточно распространён. В период 1864 – 66 гг. только официально ежегодно регистрировалось заявлений о краже лошадей от 139 в Тамбовской губернии до 381 в Курской губернии. По данным А.А. Левенстима, специально изучавшего эту проблему, за 1888 – 1893 гг., в общих и мировых судебных учреждениях губерний Центрального Черноземья (включая Пензенскую и Рязанскую) за конокрадство было осуждено 1976 человек. Это, очевидно, малая часть данного вида преступления. Борьба правоохранительных органов с конокрадством в селе по существу не была организована. Розыск украденных лошадей становился личным делом пострадавших.

Конокрадство, по мнению крестьян, являлось преступлением более опасным, чем воровство, исключая кражу церковных денег и утвари. По сообщению из Тверской губернии: «На конокрадство смотрит народ как на тяжкое преступление, потому что лошадь для крестьянина настолько необходима, что без неё он пропадёт». В Калужской губернии крестьяне считали, что «без лошади и мужик не хозяин, поэтому в случаях угона лошади они принимали все меры к розыску похищенного животного и наказанию виновного». Потерпевший рассматривал кражу его коня как покушение на него самого вопреки официальной трактовке такого рода преступлений уголовным кодексом. Мужик полагал: раз преступление направлено против него лично, то и наказание должно быть прямым и непосредственным. Он не мог быть уверен в том, что преступника вообще накажут: конокрады умело скрывались, и волостные власти чаще всего не могли своими силами справиться с этим бедствием.

С пойманными конокрадами в русской деревне расправлялись самосудом. Такая самочинная расправа отличалась особой жёсткостью, и, как правило, заканчивалась смертью преступника. В случае предания конокрадов волостному суду, тот приговаривал их к максимально возможному наказанию – 20 ударам розгами. А в ряде сёл Саратовской губернии, вопреки закону, приговаривали к 100 и 200 ударам. Бытование в русской деревне самочинных расправ над преступниками было обусловлено традиционным крестьянским представлением о праве общества карать виновного. Жестокость крестьянских самосудов преследовала цель внушить общинникам страх перед неминуемым наказанием, и тем самым предотвратить повторение подобных преступлений.

Другой причиной самосудов было то, что крестьяне не верили в заслуженное возмездие преступника. Так, в селе Низовом Тамбовского уезда в 1884 г. участились случаи самоуправства с ворами. Местные жители говорили: «Поди, там, таскайся по судам с каким-нибудь негодяем, вором, а лучше всего топором в голову, да и в прорубь». Такие народные расправы в конце XIX в. заканчивались ежегодными убийствами. В 1899 г. уездный исправник проводил расследование в селе Щучье Бобровского уезда Воронежской губернии по делу об убийстве трёх крестьян. Выяснилось, что «крестьяне убиты всем обществом, по мнению которого, они постоянно занимались кражами, сбытом краденых вещей и вообще были людьми небезопасными для окружающего населения». Следовательно, крестьянская традиция допускала осуществление самосуда не только по отношению к преступнику, застигнутому на месте преступления, но и к тем, кто вёл криминальный образ жизни и потому был потенциально опасен для общества.

Похищение вещей из церкви («церковная татьба») крестьяне считали не просто воровством, а тяжкой кражей, особым преступлением против Бога. С этим преступлением жители села связывали неминуемую кару Божью для вора, особенно если им украдена богослужебная утварь. Крестьяне считали, что похититель церковного имущества если и не будет найден, то мучимый угрызениями совести и обрушившимися на него несчастьями, сам признается в преступлении. По утверждению информаторов Этнографического бюро, случаи церковных краж, воспринимаемые местным населением как святотатство, встречались крайне редко. Крестьяне считали своим долгом довести до сведения властей об известном им случае святотатства. Дело о церковной краже никогда не заканчивалось полной сделкой, прощением виновного миром, и всегда доводилось до судебного разбирательства.

Официальное законодательство и нормы обычного права отличались не только в оценке имущественных правонарушений как преступных деяний, но и разнились в оценке меры ответственности виновных за совершённое преступление. Кража рассматривалась в русской деревне как лич-

ная обида и частное дело потерпевшего. Ключевым фактором при выборе наказания становилась сумма причинённого ущерба. По нормам обычного права при возмещении потерпевшему убытка и заключении мирового соглашения виновный освобождался от наказания. Волостной суд, по наблюдению юриста К.Ф. Чепурного, смотрел на кражу как на дело частное, а поэтому наказывал за неё довольно легко: незначительным арестом, иногда оставляя совсем без наказания, если стороны помирились. На основе анализа решений волостных судов исследователь обычного права, юрист А. Кистяковский пришёл к выводу о том, что «арест и телесные наказания, которые по Уложению о наказаниях считаются более тяжкими наказаниями, чем штраф, назначаются за воровство гораздо реже, чем за другие преступления. За воровство очень часто волостные суды подвергают только штрафу с взысканием потерь, причинённых воровством».

Анализ решений Нижеслободского волостного суда Кадниковского уезда Вологодской губернии за период с 1862 по 1895 год показывает, что значительно увеличилось число дел о кражах, рассмотренных судом: с 2 до 108. Розги, как форма наказания за воровство, чаще применяемая судом в первые два пореформенные десятилетия, в дальнейшем заменяется арестом. В книге решений волостного суда в семи делах о кражах, рассмотренных в 1862 – 1882 гг., наказание розгами определено в пяти случаях, арест – два. Напротив, в 1882–1895 гг., в 17 делах о кражах виновные приговаривались к наказанию арестом по 11 делам, штрафом – четыре, розгами – два. Данная тенденция свидетельствовала, во-первых, о росте правовой культуры крестьянства, во-вторых, о том, что судьи при вынесении решений стали в большей мере руководствоваться требованиями действующего законодательства.

При вынесении решения суд учитывал личность подсудимого. Члены волостного суда говорили, что «решаем, глядя по человеку и по хозяйству». Да и сами крестьяне утверждали, что судьи руководствуются не столько обычаями, сколько справедливостью и обстоятельствами дела, соображаясь с человеком. Оршанский И.Г. в своём исследовании отмечал, что «для народного суда личность обвиняемого имеет первенствующее значение как члена мира, как соседа, домохозяина и плательщика налогов. Всё это имеет значение в выносимом решении. О личности выносят суждение на основе всестороннего знакомства «мира» с каждым членом, что возможно только в условиях крестьянского быта.

В суждениях крестьян преступник – это «несчастный», «бедолага», жертва сложившихся обстоятельств. Причину преступления сельский люд усматривал прежде всего в греховной природе человека. В народе говорили: «Грех сладок, человек падок»; «Грех – воровать, да нельзя миновать». Преступные деяния могли стать результатом действий «от лукавого». Не случайно, про человека, впервые совершившего преступление, в русской деревне говорили, что его «бес попутал», «нечистый подтолкнул» и т.п.

Свою роль, по мнению крестьян, играла дурная наследственность («Благословляет отец деток до чужих клеток»). О детях из воровских семей, пошедших по стопам отцов, выносили суждение о том, что «яблоко от яблони далеко не падёт».

Субъективизм играл большую роль в принимаемых волостным судом решениях. Для судей был важна не только суть дела, но и репутация, поведение участвующих в деле. Если судьи не были знакомы с истцом и ответчиком, то необходимую информацию о них они получали от старосты. Дурная слава о человеке ужесточала выносимый приговор, и напротив, отзывы об участнике процесса как о трудолюбивом и рачительном хозяине учитывались как смягчающие вину обстоятельства. В представлении крестьян только такое судебное решение могло быть признано справедливым, которое в полной мере учитывало мнение односельчан об истце и ответчике. «Прозрачность» сельских отношений позволяла не только выявить мотивы совершённого преступления и определить степень его социальной опасности, но и вынести справедливый приговор с учётом всех смягчающих вину обстоятельств.

Волостной суд, вынося приговор, учитывал все обстоятельства дела, обращая внимание на факторы, смягчающие или, напротив, усиливающие вину обвиняемого. К причинам, которые усиливали наказание при вынесении приговора, следует отнести: повторность совершённого преступления, кража днём, дурное поведение, заpirationство на суде. Напротив, болезненное состояние, физические недостатки, наличие грудного ребенка, беременность, чистосердечное признание, несовершеннолетие, отсутствие умысла, заслуги виновного – всё это на суде выступало факторами, смягчающими наказание. В записке С.С. Кондрашова о положении крестьян Тамбовской губернии Елатомского уезда от 13 марта 1889 года на имя министра внутренних дел говорилось, что «увеличивающими вину обстоятельствами считается совершение похищения днем. Народ называет это «денный грабёж». Взлом замка считается особенно преступным, как и кража из построек». В Грязовецком уезде Ярославской губернии напротив, кража днём уменьшала важность и строгость наказания, а ночью – увеличивала.

Истари сельский мир самым решительным образом избавлялся от криминального элемента в своей среде. Закон предоставлял общине право удаления человека из крестьянской среды за антиобщественное поведение. Сельский сход села Старая Дегтянка Козловского уезда Тамбовской губернии 23 июня 1891 г. приговорил изгнать из общества Лариона Нестерова за дурное поведение, которое выразилось в кражах и пьянстве. Нередко эти меры носили и профилактический характер. Крестьяне применяли их по отношению к тем кто, по их мнению, был не чист на руку. Исследователь С.В. Кузнецов приводит пример составления приговора в

отношении крестьян, подозреваемых в краже хлеба из амбара. Большинство голосов они, как вредные люди, были удалены из общества. Своим приговором общество с. Арманов Угол Моршанского уезда Тамбовской губернии от 10 августа 1891 года удалило из жительства сразу пять жителей села. Три брата Черниковых были замечены в краже барана, пилы, овса. Василий Пиваваров и Вукол Неверов украли колёса, муку, пшено. Самое главное, что все пятеро подозревались в угоне 20 лошадей, пропавших ещё осенью. И хотя вина крестьян доказана не была, мир посчитал, что оснований для данного решения достаточно.

Сельские общества достаточно активно пользовались правом удаления из общины односельчан, совершивших преступление. В 1895 году по суду на поселение в Сибирь было сослано 2713 человек, а по приговорам сельских обществ – 5398. Примечательно, что число сосланных в Сибирь без суда было вдвое больше, чем отправленных на поселение по судебным решениям. Крестьяне шли на эту крайнюю меру, несмотря на то, что затраты по высылке ложились на само сельское общество.

За менее тяжкие преступления, такие как кража одежды, обуви, пищи, воров подвергали «посрамлению». Обычное право предусматривало наказания вовсе не известные официальному законодательству. Одно из таких – обычай срамить преступника, т.е. подвергать его публичной экзекуции, унижающей его честь и достоинство. Крестьяне объясняли существование этого обычая тем, что «сраму и огласки более всего бояться». По приговору сельского схода уличённого вора нагишом с украденной вещью или соломенным хомутом водили по селу, стуча в ведра и кастрюли. Во время такого шествия по селу каждый желающий мог ударить преступника. Били по шее и в спину, чтобы истязаемый не мог определить, кто их наносит. После такого публичного наказания вора сажали в «холодную», а затем передавали в руки властей.

С введением в русском селе волостной юстиции «осрамительные» наказания стали применяться реже. Однако в материалах комиссии по преобразованию волостных судов содержатся приговоры о вождении воров-рецидивистов по селу с навешенными на шею украденными вещами. Таким образом, в ряде мест волостные суды продолжали применять виды наказания, не предусмотренные действующим законодательством.

В основе обыденного правосознания жителей деревни лежали принципы уравнительности, примата общественного над личным, приоритетности хозяйственных интересов. Причину преступления крестьяне усматривали в греховной природе человека. Правонарушение рассматривалось как личная обида пострадавшего и оценивалось в категориях, далеких от норм классического права. Нравственный императив был преобладающим в обычно-правовых воззрениях русского крестьянства. Вполне закономерно, что обыденные понятия, которые выступали для сельских жителей критериями в оценке тех или иных деяний, отличались от их трактовки в

формальном праве. Расхождение норм обычного права с официальным законом в оценке преступлений было обусловлено спецификой общественного уклада села.

3.3. ПОЛОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ

Изучение проблем истории повседневности, реконструкция сельской обыденности не может быть полным без обращения исследователей к содержанию интимной жизни крестьянского населения. Если демографическое поведение русских крестьян и его связь с церковным календарём, ритмом трудовой деятельности, продовольственной ситуацией и прочими факторами достаточно хорошо изучены, то проблема девиантного поведения в сексуальной сфере русского села ещё не стала предметом научных исследований. Задача состоит в том, чтобы проанализировать половые преступления, имевшие место в сельской среде конца XIX – начала XX вв., выяснить их причины, степень распространения, отношение к ним со стороны крестьянского населения, а также правоприменительную практику государства в этом вопросе.

В пореформенный период на фоне ухудшения криминальной ситуации в России в целом был отмечен и рост числа сексуальных преступлений. Число таких преступлений, зафиксированных полицией, составляло в среднем в год (тыс.): 1874 – 1883 гг. – 1,8; 1884 – 1893 гг. – 3,1; 1894 – 1905 гг. – 9,7. Данные моральной статистики указывают на то, что за три десятилетия количество сексуальных преступлений в стране выросло более чем в пять раз. Причина заключалась в том, что в ходе модернизации общественной жизни менялись ценностные ориентации и стандарты поведения, а это неизбежно вело к росту отклоняющегося поведения и преступности.

Преступления против чести и достоинства женщины не были широко распространены в русской деревне. За десятилетие с 1857 по 1866 гг. в Тамбовской губернии было зарегистрировано 8596 преступлений, из них растлений и изнасилований – 90, что составило 1,04% от общего числа совершённых преступлений. Криминогенность крестьянства была значительно ниже уровня преступности представителей других сословий. По данным статистики в Тамбовской губернии в период с 1881 по 1906 гг. за преступления против чести и целомудрия женщин было осуждено 162 человека, в том числе крестьян – 120, или 74% от всех осуждённых за этот вид преступления. При этом крестьяне в этот период составляли более 90% населения губернии. Таким образом, исследуемый тип преступлений был в большей мере присущ городскому населению, чем сельскому.

В обыденном восприятии жителей русского села поругание чести женщины считалось грехом и тяжким преступлением. По сообщению корреспондента Этнографического бюро из Тамбовской губернии, «изна-

силование женщин, безразлично от возраста и положения, по народным воззрениям считается самым бесчестнейшим преступлением. Изнасилованная девушка ничего не теряет, выходя замуж, зато насильник делается общим посмешищем: его народ сторонится, не каждая девушка решится выйти за него замуж, будь он даже богат». Правда, в отдельных селениях Орловской губернии случаи изнасилования не встречали столь сурового осуждения, напротив, к ним относились достаточно равнодушно. В случае изнасилования женщины здесь говорили: «Не околица – затворица», а про девушек – «Сука не захочет, кобель не вскочит». Однако факты изнасилования женщин не были для русской деревни явлением распространённым. По утверждению сельского информатора из Болховского уезда Орловской губернии «изнасилования случаются очень редко».

По уголовному праву Российской империи изнасилование квалифицировалось как тяжкое преступление. Действующее законодательство за преступления против чести и целомудрия женщины или девицы, достигшей 14 лет, предусматривало наказание в виде лишения всех прав состояния и ссылку на каторжные работы сроком от четырёх до восьми лет. В сельской действительности посягательство на честь и достоинство женщины редко становилось предметом судебного разбирательства. Если это случалось, наказание преступников было не таким строгим как в официальном законодательстве. В 1884 г. один из волостных судов Бузулукского уезда Самарской губернии приговорил двух крестьян за изнасилование девушки к уплате 10 р. в пользу родителей девушки и покупки ½ ведра водки в пользу судей. Порой дела такого рода в деревне решали на сельском сходе. По наблюдению князя Костомарова, изучавшего обычное право старожил Томской губернии, насильников наказывали на сельском сходе розгами, а растление очень часто кончалось мировой с обиженной девушкой и её родственниками.

Нормы обычного права, бытовавшие в русской деревне, допускали, в качестве возмездия, месть обидчику. В русском селе были известны случаи самосуда по отношению к насильникам. Так, в Песочкой волости столичной губернии за изнасилование своей жены муж со своим приятелем зазвал насильника в баню и повредил ему часть полового органа, отпустивши его зимой голого. Местные жители, узнав об этом, одобрительно говорили: «Ловко он его обработал!». В этой же местности молодые ребята жестоко избили мужика, изнасиловавшего малолетнюю девочку. И в этом случае самоуправство деревенских молодцов нашло самую горячую поддержку со стороны односельчан. Они утверждали: «Убить его надо, пакостника!».

Факты педофилии в русской деревне не часто, но были отмечаемы в сводках о происшествиях, публикуемых провинциальными газетами. Вот одно из таких сообщений, обнаруженное в местной печати. «В с. Деряб-

кино Ростошинской волости Борисоглебского уезда крестьянин Емельян Луньков, 17 лет, в июне 1914 г. изнасиловал девочку 11 лет».

К изнасилованию несовершеннолетних девушек в русской деревне относились строже всего, по мнению крестьян, «тот человек, кто совершил такое, по их понятиям, становился наравне с сатаной». Однако на практике сексуальные действия насильственного характера по отношению к несовершеннолетним редко являлись предметом судебного разбирательства. По сообщению (1899) корреспондента Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева, жителя села Крестовоздвиженские Рябинки Болховского уезда Орловской губернии, «при изнасиловании несовершеннолетней родители судились с виновником преступления или брали с него мировую – несколько рублей денег». Правовые традиции русского села допускали полюбовное решение конфликта сторон, как в гражданских, так и в уголовных делах. Такая сделка, по свидетельству сельских жителей, практиковалась в преступлениях против целомудрия.

Существование практики примирения в делах об изнасиловании несовершеннолетних детей в досудебном порядке подтверждается как свидетельством самих крестьян, так и суждением сторонних лиц. Вот некоторые из них. Семенова–Тянь-Шанская О.П. в своём этнографическом исследовании «Жизнь Ивана» приводит случай, когда караульный яблоневого сада, возраста 20 лет, изнасиловал 13-летнюю девочку, и мать этой девочки примирилась с обидчиком за 3 р.. По сообщению (1899) информатора из Санкт-Петербургской губернии крестьянин д. Кусково, молодой крестьянин, отличавшийся распутным поведением, изнасиловал девочку-сироту 15 лет. Тётка потерпевшей хода делу не дала, за что насильник работал на неё целый год бесплатно. В Любимском уезде Ярославской губернии богатый крестьянин Н.К. изнасиловал жившую у него в услужении работницу Анну Н., девушку девятнадцати лет. Дело также до суда не дошло, стороны «смирились». Н.К. сшил потерпевшей девушке новое пальто, платье, а родителям её выдал пятьдесят рублей серебром.

Таким образом, правовыми обычаями русского села считались допустимыми как самочинная расправа с насильником, так и примирение сторон при условии материальной компенсации потерпевшей. Позитивное право предполагало иную ответственность за данный вид преступления. Уголовное законодательство Российской империи квалифицировало изнасилование несовершеннолетних как тяжкое преступление. По статье 1523 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года «за растление девицы, не достигшей четырнадцатилетнего возраста, если оно было сопровождается насилием, виновный подвергался лишению всех прав состояния и ссылке на каторжные работы сроком от десяти до двадцати лет».

До судов доходила лишь малая толика дел об изнасиловании женщин. По этой причине уголовная статистика вряд ли поможет восстановить объективную картину по данной проблеме. С этой оговоркой всё же обратимся к этому источнику. Согласно данным ведомостей судебно-медицинских исследований по Тамбовской губернии, растлений и изнасилований в уездах было зарегистрировано в 1870 году – 7, 1884 году – 26, 1900 – 31. Даже такое выборочное сравнение за 30 лет указывает на рост сексуальных преступлений. По нашему мнению, за указанный срок выросло не число изнасилований, а увеличилось количество обращений потерпевших. По мере роста самосознания сельской женщины усилилось и стремление защитить свою честь и женское достоинство. Этот вид преступления перестал носить латентный характер.

Исследуя данный вид преступления, следует сказать и о причинах деревенских изнасилований. Нужно признать, что сам крестьянский быт создавал условия для проявления сексуальной агрессии. Половые отношения в семейной повседневности были лишены интимности. В крестьянской избе все спали вместе: и млад и стар, мужчины и женщины. Крестьянские дети могли не раз являться невольными свидетелями соитий своих родителей. Земский врач А.А. Жуковский писал: «Днем и ночью, во время работы и отдыха, сна и развлечений они (т.е. женщины) постоянно находятся в самых близких отношениях с мужчинами, подобно им грубыми, не умеющими обуздать своих страстей и не привыкшими уважать права женщин. Ни в одном слое общества не бывает такого большого числа изнасилований незрелыми мальчиками малолетних девочек, как в простом народе».

Анализ содержания судебных дел показал, что преступниками оказывались люди разных возрастных категорий и морально-нравственного облика. Но причиной подобных преступлений не всегда служила только нравственная распущенность мужчин. Своеобразной провокацией сексуальной агрессии мужчин являлся обычай летних ночёвок незамужних девушек в так называемых «мазанках» и амбарах. Так создавались оптимальные условия для интимных свиданий, которые порой заканчивались плачевным образом. Знарок обычного права Е.И. Якушкин сообщал, что «во многих местах на посиделках, беседах и вечеринках по окончании пирушки девушки и парни ложатся спать попарно. Родители смотрят на вечеринки как на дело обыкновенное и выказывают недовольство, только если девушка забеременеет».

Некоторые женщины намеренно провоцировали подобные ситуации с целью наживы. Девушки, вступавшие в добрачные связи, не особо тяготились вопросами нравственности до тех пор, пока потенциальные женихи не отказывались жениться. Нового обещания жениться, порой, хватало для прекращения судебного преследования. В противном случае несосто-

явшиеся невесты, считая себя потерпевшими, обращались в суд за восстановлением поруганной чести. Так, крестьянка д. Тихвиновки Инаковской волости Кирсановского уезда Тамбовской губернии Марина Уварова обратилась (1914) в окружной суд с обвинением Павла Овчинникова в обольщении. Из показания потерпевшей следовало, что после лишения её невинности она имела с Овчинниковым сношения много раз и даже родила от него дочь. Дело было прекращено за отсутствием состава преступления.

Имели место в деревне и так называемые мнимые изнасилования. Примером может служить дело (1914) крестьянина Василия Гребенникова по обвинению его в изнасиловании Анны Карнауховой, 14 лет, крестьянки Космодевьянской слободы Лысогорской волости Тамбовского уезда. Из показания потерпевшей следовало, что хозяин, будучи пьяным, позвал её в ригу резать сечку для скота, где и изнасиловал. В результате судебно-медицинского освидетельствования было установлено, что Карнаухова насилью не подвергалась, и судебное разбирательство было прекращено.

Одним из видов половых преступлений, преследуемых уголовным законом, являлся инцест (кровосмешение). По канонам православной церкви половая связь в кровном родстве и по свойству считалась тяжким грехом. В соответствии с требованием церковного устава на кровосмесителей накладывалась епитимья. Российский закон признавал инцест деянием преступным, уголовно наказуемым и жестоко карал виновных в нём. Воинским уставом Перта I артикулом 173 за кровосмешение в восходящей или нисходящей линии предусматривалась смертная казнь. Уложением о наказаниях 1885 года виновные в кровосмешении приговаривались «к лишению всех прав состояния и к ссылке в отдалённые места Сибири для заключения там, в тюрьме, в уединении на шесть лет и восемь месяцев». При кровосмешении во второй степени родства срок тюремного заключения сокращался вдвое.

В правовой традиции русского села кровосмешение воспринималось как грех и преступление, виновник которого, по убеждению крестьян, должен быть подвергнут осуждению и тяжёлому наказанию. Исходя из таких взглядов, сельские жители, как правило, передавали преступника в руки властей. По понятию крестьян кровосмешение разграничивалось по степени важности и преступности. Считая тяжким грехом и преступлением половые отношения в кровном родстве, жители села придавали меньшее значение случаям кровосмешения при свойстве, ещё меньше при духовном родстве.

В крестьянском дворе, когда бок о бок жило несколько семей, порой возникали замысловатые любовные треугольники. Знарок обычного права Е.И. Якушкин в своём исследовании приводит пример, когда крестьянин 71 года был пойман односельчанами на месте преступной связи с женой

родного внука. По сведениям (1899) из Пошехонского уезда Ярославской губернии в местных сёлах имелись случаи сожительства тёщи с зятем, преступной связи со свояченицей. В орловском с. Коневке было «распространено сожительство между деверем и невесткой. В некоторых семьях младшие братья потому и не женились, что жили со своими невестками». По мнению тамбовских крестьян, кровосмешение с женой брата вызывалось качественным превосходством того брата, который отбил жену. Братья не особенно ссорились по этому поводу, а окружающие к такому явлению относились снисходительно. Дела о кровосмешении не доходили до волостного суда, и кровосмесителей никто не наказывал. Исключение составляли дела, возбуждённые полицейским ведомством. Так, в рапорте полицейского урядника Архангельской волости Борисоглебского уезда Тамбовской губернии Щербакова указывалось, что 20 июля 1915 г. к нему обратилась девица с. Архангельского Пелагея Васильевна Хорошилова, 16 лет. Она заявила, что в первых числах июля при уборке в поле ржи возле леса, ночью её изнасиловал родной отец, Василий Артемович Хорошилов, 37 лет от роду, свидетелем чего был её двоюродный брат, Василий Рыльков, 10 лет. В данном случае дело было доведено до суда, и отец-насилник понёс заслуженное наказание.

Среди преступлений на сексуальной почве наибольшее распространение в русском селе имело снохачество. Следует признать, что половая близость между главой крестьянской семьи (большаком) и снохой не была явлением исключительным, а для патриархального уклада сельского быта, в какой-то мере и обыденным. «Нигде кажется, кроме России, – писал В.Д. Набоков, – нет по крайней мере того, чтобы один вид кровосмешения приобрёл характер почти нормального бытового явления, получив соответствующее техническое название – снохачество». Наблюдатели отмечали, что этот обычай был жив и в конце XIX в., причём одной из причин его сохранения являлся сезонный отток молодых мужчин на заработки. Хотя эта форма кровосмешения была осуждаема просвещённым обществом, крестьяне её не считали серьёзным правонарушением. В ряде мест, где снохачество было распространено, этому пороку не придавали особого значения. Более того, иногда о снохаче с долей сочувствия говорили: «Сноху любит. Ен с ней живет как с женой, понравилась ему». По наблюдению краеведа и этнографа А.В. Балова, в ярославских селах «снохачество или незаконное сожительство свёкра со снохой, явление довольно нередкое».

Причину существования этой формы удовлетворения сексуальных потребностей следует видеть в особенностях крестьянского быта. Одна из причин – это ранние браки. В середине XIX в. по сведениям А.П. Звонкова в селах Елатомского уезда Тамбовской губернии было принято женить 12–13-летних мальчиков на невестах 16–17 лет. Отцы, склонные к снохачеству, умышленно женили своих сыновей молодыми для того, чтобы пользоваться их неопытностью. Другая причина снохачества, уже упомя-

нутые выше отхожие промыслы крестьян. «Молодой супруг не проживет иной раз и году, как отец отправляет его на Волгу или куда-нибудь в работники. Жена остаётся одна под слабым контролем свекрови». Из Болховского уезда Орловской губернии информатор в 1899 г. сообщал: «Снохачество здесь распространено потому, что мужья уходят на заработки, видятся с женами только два раза в год, свёкор же остаётся дома и распоряжается по своему усмотрению». Автор корреспонденции из Пошехонского уезда Ярославской губернии отмечал, что при господстве в уезде отхожих промыслов молодые люди нередко через месяц или два уезжают на чужую сторону на год, а то и более, как, например, все лица, живущие в услужении в торговых заведениях г. Петербурга и Москвы. Аналогичны по содержанию сведения из Медынского уезда Калужской губернии. «Часты случаи в семьях, где молодой муж, работая на фабрике, годами отсутствует или отбывает военную службу, а свёкор начинает снохачить самым дерзким и грубым образом».

Механизм склонения снохи к сожительству со свёком был достаточно прост. Пользуясь отсутствием сына (отход, служба), а иногда и в его присутствии, свёкор принуждал сноху к половой близости. В ход шли все средства: и уговоры, и подарки, и посулы лёгкой работы. Обычно такая целенаправленная осада давала свой результат. В ином случае уделом молодухи становилась непосильная работа, сопровождаемая придирками, ругательствами, а нередко, и побоями. Жизнь женщин, отказавших своим свёкрам в их плотских желаниях, по мнению сельского корреспондента из Калужской губернии, становилась невыносимо мучительной. По словам крестьянки, испытавшей на себе снохачество, в случае отказа свёкру, тот мстил снохе, наговаривая на неё сыну всякие гадости о том, что та имела, в его отсутствие, связь с посторонними мужчинами.

Типичный пример склонения свёком снох к половой близости приведён в корреспонденции (1899) жителя села Крестовоздвиженские Рябинки Болховского уезда Орловской губернии В.Т. Перькова. «Богатый крестьянин Семин 46 лет, имея болезненную жену, усладил двух своих сыновей на «шахты», сам остался с двумя невестками. Начал он подбиваться к жене старшего сына Григория, а так как крестьянские женщины очень слабы к нарядам и имеют пристрастие к спиртным напиткам, то понятно, что свёкор в скорости сошёлся с невесткой. Далее он начал «лабуниться» к младшей. Долго она не сдавалась, но вследствие притеснения и подарков – согласилась. Младшая невестка, заметив «амуры» свекра со старшей, привела свекровь в сарай во время их соития. Кончилось дело тем, что старухе муж купил синий кубовый сарафан, а невесткам подарил по платку».

Семейные любовные коллизии не всегда разрешались столь благополучно. Противоестественная половая связь в крестьянской семье порой имела трагический финал. По сообщению «Донских областных ведомо-

стей» за 1873 г. жена убила мужа, уличив его в снохачестве. Крестьянин с. Поповка Подгоренской волости Козловского уезда Тамбовской губернии Филимон Волков убил свою жену за незаконное сожителство её с его отцом. Случай убийства сыном отца-снохача имел место в с. Бежаницы Псковской губернии. В начале XX в. в окружном суде слушалось дело Матрены К. и её свёкра Дмитрия К., обвиняемых в детоубийстве. Обвиняемая Матрена К., крестьянка, замужняя, 30 лет, на расспросы полицейского урядника призналась ему, что в продолжение 6 лет, подчиняясь настоянию свёкра, состоит в связи с ним, прижила от него сына, которому в настоящее время около пяти лет. От него же она забеременела вторично. Свёкор Дмитрий К., крестьянин, 59 лет, узнав о приближении родов, приказал ей идти в ригу и, как только она родила, схватил ребенка, зарыл его в землю в сарае. В с. Чистые Бочкари Костромской губернии мать крестьянина Кочнева, находившаяся с ним в любовной связи, отравила свою сноху. Поводом к отправлению послужила ревность. Любовную связь матери и сына подтвердили на следствии их родственники.

Редко молодые бабы пытались найти защиту от посягательств со стороны свёкра в волостном суде, но, как правило, те устранялись от разбора таких дел. Правда, И.Г. Оршанский в своём исследовании приводит пример, когда по жалобе снохи на уговор свёкра к снохачеству, последний решением волостного суда был лишён «большины». Но это было скорее исключением, чем правилом. В тех случаях, когда преступная связь свёкра со снохой открывалась, виновной, как правило, признавалась женщина, которую ожидала жестокая расправа со стороны мужа. Вот характерный итог самочинной расправы. «Жена была избита до полусмерти; волосы наполовину были вырваны, лицо превращено в один сплошной синяк, тело исщипано, одежда изорвана в мелкие клочки, так что женщина очутилась на улице совсем нагая».

Следует отметить, что при определённой распространённости этого преступного порока в русской деревне, крестьяне прекрасно осознавали всю тяжесть греха такой связи. Так, в Орловской губернии кровосмешение оценивалось как большое преступление перед православной верой, за которое не будет прощения от Бога на том свете. Ярославские крестьяне приравнивали снохачество к кровосмешению с дочерью. «Муж и жена – одно тело, один дух. Отец, живший с женой сына, всё равно, что живет со своим сыном или дочерью». По отзывам крестьян Борисоглебского уезда Тамбовской губернии, снохачество встречалось часто, но традиционно считалось в селе самым позорным грехом. Снохачи на сходе при решении общественных дел игнорировались, так как каждый мог им сказать: «Убирайся к черту, снохач, не твоё тут дело». В селах Псковщины к снохачеству относились неодобрительно, снохачей в местных деревнях величали «блудниками», «срамниками». Крестьяне Калужской губернии в качестве наказания удаляли снохачей из сельского общества.

По признанию сельского информатора из Тверской губернии, «на взаимные отношения членов семейства снохачество имеет самые пагубное влияние: в большинстве случаев результатом его бывают ссоры, ругань, раздел и каторжная жизнь жены, иногда – уход её из дома, но до волостного суда дела о снохачестве не доходят». Аналогичен вывод, содержащийся в корреспонденции, присланной из Ярославской губернии. «Нам никогда не приходилось слышать, чтобы дело о снохачестве разбиралось на волостном суде». При этом действующее уголовное законодательство за кровосмешение в первой степени свойства (т.е. с тещей или свёкром, зятем или снохой) предусматривало наказание в виде ссылки на жительство в Сибирь или отдачу в исправительные арестантские отделения. Таким образом, оценка данного преступления в обыденном сознании крестьян существенно отличалась от требований официального законодательства.

По мере распада патриархальной семьи и увеличения числа крестьянских разделов, снохачество как явление сельского быта стало сходиться на нет. Эта тенденция была подмечена информаторами Этнографического бюро. Один из них, житель Васильсурского уезда Нижегородской губернии, С.В. Корвин-Круковский, в частности, сообщал, что «с ослаблением родительской власти, с более частыми и распространенными в настоящее время семейными разделами и выделами, – более частые в старину случаи снохачества в настоящее время становятся всё более и более редкими».

О сексуальных инверсиях в крестьянской среде писать труднее всего в силу скрытости этого явления, а соответственно, и отсутствия источников. Однако можно определённо утверждать, что половые извращения для сельского населения были характерны в меньшей мере, чем для просвещённой части общества. По свидетельству публициста конца XIX в. С.С. Шашкова, «противоестественные пороки распространены ужасно. Педерастия свирепствует не только на Кавказе и других азиатских местностях, но и в Петербурге, и везде, даже в деревнях. Она распространена в войсках и, особенно в закрытых учебных заведениях».

Впервые уголовная ответственность за половую связь между мужчинами была предусмотрена в российском законодательстве второй половины XVII в.. В качестве наказания содомитов сжигали. В статье 166 Военского устава Петра I за добровольное мужеложство предписывалось «жестoko на теле наказать обоих». Насильственные действия карались смертной казнью или вечной ссылкой на галеры. По своду законов 1842 г., уличённых в педерастии, лишали всех прав состояния, наказывали плетью и ссылали на каторжные работы. Согласно статье 996-й Уложения 1885 г., за квалифицированные виды извращений (педерастия с насилием, с малолетним или слабоумным) назначались каторжные работы сроком от 10 до 12 лет. В Уложении 1903 г. наказание за мужеложство было смягчено. Педерастия с обоюдного согласия каралась заключением в тюрьму

сроком не менее трёх месяцев. При наличииотягчающих условий срок заключения увеличивался до трёх лет. Насилие по отношению к ребёнку, не достигшему 14 лет, наказывалось каторжными работами на срок до 8 лет.

К фактам лесбийской любви отечественное законодательство было более снисходительным. Половое сношение между женщинами, совершённое не публично и по взаимному согласию, уголовному преследованию не подлежало. Однако ответственности подлежало сношение с ребёнком до 14 лет. За этот вид преступления закон предусматривал наказание в виде заключения в исправительный дом на срок не более трёх лет. В случаях квалифицированных – злоупотребление властью и угроза – наказание усиливалось – заключением в исправительный дом сроком не менее трёх лет.

Что касается правоприменительной практики, то не удалось обнаружить ни одного уголовного дела по обвинению крестьянок в данном виде преступления. Однако следует отметить, что дореволюционный исследователь права, профессор И. Тарновский, утверждал, что гомосексуализм не является таким уж противоестественным, как считали многие. Он подчёркивал масштабы распространения лесбиянства в качестве народного обычая среди лиц, находящихся на нижних ступенях социальной лестницы. Крестьянское общество воспринимало сексуальные отношения, адаптируя их к гетеросексуальной схеме. Американский исследователь Лора Энгельштейн в своём исследовании приводит пример крестьянки Марии Шашниной. Она сумела обеспечить полное удовлетворение сексуальных потребностей ряда жительниц своей деревни на «манер мужчины», как позже они признавали на суде. В этнографических источниках имеется лишь одно упоминание о девице, 28 лет, имевшую связь с молодой вдовой соседней деревни. В селе её называли «двусбруйной», из чего можно предположить, что речь шла о женщине-гермафродите.

Изученные источники дают возможность утверждать, что мужской гомосексуализм, наказуемый по уголовному праву, не был распространён в крестьянской среде. К ответственности по обвинению в педерастии, согласно сведениям уголовной статистики, в период с 1874 по 1904 год, в России к суду было привлечено 1066 мужчин, из которых 440 было осуждено. На 100 осуждённых за это преступление на долю крестьян приходилось 56,6%, в то время как в общих данных о преступлениях их доля составляла 68,6%. Этот порок был в большей мере характерен для российских городов. Удельный вес жителей города составлял 12,8% от всего числа населения страны, в то же время 45% осуждённых за содомию составляли горожане. На долю сельских жителей приходилось 55% осуждённых педерастов, притом, что 87,2% россиян проживало в деревнях. Интересна статистика в плане занятий осуждённых. Среди осуждённых за

мужеложство 31,6% приходилось на занятых в сельском хозяйстве, а на фабрично-заводских рабочих, подёнщиков и прислугу – 37,4%.

Одним из каналов проникновения в сельскую среду преступной страсти следует признать отхожий промысел. В 1860-е гг. предметом судебного разбирательства стала проституция в петербургских банях артелей банщиков. Столичные педерасты находили себе партнёров среди молодых извозчиков, дворников, подмастерья, одним словом, вчерашних выходцев из деревни. Таким образом, преступному пороку в большей мере были подвержены маргинальные слои общества. Определённое влияние в плане сексуальной ориентации на русское село оказало просвещённое общество, которому в большей мере были присущи половые извращения. Профессор В. Тарновский, ссылаясь на мнение известных ему гомосексуалистов, сообщал, что по их отзывам «русский простолоудин относится крайне снисходительно к порочным предложениям», «барским наклонностям», как он их называет».

Педерастия в крестьянской среде не получила широкого распространения, жители села относились к содомскому греху с нескрываемым отвращением. Следует признать, что половые инверсии в сельскую среду вносились преимущественно извне. Неслучайно, что те немногие факты гомосексуализма в русской деревне, ставшие достоянием гласности, были связаны с представителями иного сословия, а порой, и другой этнической принадлежности. В Пошехонском уезде Ярославской губернии был известен помещик, который удовлетворял свою страсть, покупая услуги надлежащих субъектов из местных крестьян. Как к самому помещику, так и к его сексуальным партнёрам народ относился с отвращением и ненавистью. В этой местности поселился швейцарец-сыровар, который вовлёк в порок педерастии слабоумного пастуха. По сведениям уголовной статистики процент осуждённых иностранцев за гомосексуализм превышает более чем в семь раз процент их в общих данных о преступности (4,77% и 0,67%). В калужских сёлах противоестественные пороки за преступление не считались, над ними лишь смеялись. Особенно над мужеложством. Местные крестьяне, ходившие на заработки в Крым, по возвращению, рассказывали о крымских татарах, особенно склонных к педерастии, и, смеясь друг над другом, называя «татарской жёнкой». Мнение русских крестьян о предрасположенности татар к мужеложству, подтверждается данными судебной статистики. Так, доля представителей этого народа (10,45%), осуждённых за педерастию, в десять раз большая, чем привлечённых за все виды преступлений (1,21%).

Первые сведения о наказаниях за скотоложество относятся к первой половине XII в. В Уставе Ярослава о церковных судах говорится, что «с животиною (т.е. блудить со скотом) – 12 гривен, а в епитимью вложить». Военским уставом артикулом 165 предписывалось виновных в этом преступлении «жестокю на теле наказать». Свод законов 1842 г. карал сей

порок лишением прав состояния, наказанием плетью и ссылкой на поселение. Уложением о наказаниях 1885 г. статья 997 ссылка на поселение была заменена ссылкой в отдалённые места Сибири. Уголовное уложение 1903 года преследовало скотоложество только в случае публичности действия заключением в тюрьму на срок не более шести месяцев, в случае причинения мучений животному – арестом не более семи дней или штрафом до 25 рублей.

По мнению автора очерка «Русская проституция» С.С. Шашкова «скотоложество распространено, кажется, ещё больше, чем педерастия. В некоторых местностях, например, в северо-восточных губерниях оно имеет полные права гражданства, и крестьяне здесь пользуются им даже как медицинским средством, будто бы избавляющим от лихорадки». По наблюдениям князя Костомарова, исследовавшего юридические обычаи населения Томской губернии, скотоложество в селе – явление нередкое. Среди местных крестьян оно совершалось из суеверия, так как считалось единственным средством от продолжительной лихорадки. Таким образом, оба автора мотивом совокупления с животными считали бытовавшее в данных сёлах суеверие.

Утверждение приведённых авторов о распространённости скотоложества в русских сёлах не нашло своего подтверждения в изученных нами источниках. Напротив, есть основание утверждать, что этот грех, а в оценке уголовного права и преступление, не были свойственны русским крестьянам. По сообщению сельских корреспондентов: «противоестественные пороки не существуют»; «скотоложество встречается как очень редкое исключение между идиотами и слабоумными пастухами». Криминалист В.О. Мержеевский, изучивший сведения по Петербургскому окружному суду за период с 1866 по 1872 г., обнаружил только 30 дел о скотоложестве. Среди обвиняемых было 23 крестьянина, 4 нижних чинов, 2 мещанина и 1 иностранец.

Скотоложество, как и мужеложество, воспринималось крестьянами, прежде всего как великий грех, а лишь потом как преступление. По сообщению информатора (1899 г.), крестьяне одного из сёл Болховского уезда Орловской губернии говорили, что в недавнее время одного крестьянина судили за содомию и сослали в Сибирь. В то же время над мужиком, замеченным в скотоложестве, только издевались и не давали ему прохода насмешками, но наказания не было. Мужики д. Козлово Ростовского уезда Ярославской губернии жаловались земскому начальнику на своего односельчанина за то, что он «портит их кур», отчего у тех выходит наружу вся внутренность. В одном из селений Симской волости той же губернии крестьянин вступил в половую связь с овцой. Крестьяне овцу эту убили, потому что, по их мнению, такая овца принесет зверя – наполовину человека, а наполовину скота.

Считая соитие со скотиной делом греховным и богомерзким, крестьяне верили, что Бог непременно покарает скотоложников. Информатор Этнографического бюро, жительница Орловского уезда той же губернии, А. Михеева сообщала: «В народе распространён порок скотоложества, этот порок тщательно скрывается, только поговаривают тогда, когда спрашивают у кого-нибудь, где отомолить этот грех и как. Занимаются этим старые солдаты, не имеющие семьи. В народе считают, что у таких людей всегда рождаются дети-уроды. У одного мужика родилась девочка без ручек, у другого – мальчик без зрачков».

В других сёлах к зоофилам местные жители относились не столь терпимо и не полагались только на Божий суд. Человека, замеченного в противоестественном пороке, немедленно изгоняли из деревни и отправляли на богомолье, причём давали ему от общества удостоверение, в котором было сказано, что такой-то был послан на богомолье за такое-то преступление. Самый меньший срок богомолья был полтора года, а самый большой – четыре с половиной. Сельский корреспондент Этнографического фонда из Болховского уезда Орловской губернии Ф. Костин приводил случай, когда местный крестьянин застал Кирилла Передкова на лесной поляне во время его соития с кобылой. Весть об этом быстро облетела село. Был созван сход, куда привели крестьянина вместе с «возлюбленной», а затем их «обвенчали». Отец прелюдно проклял скотоложника, которого изгнали из общества, отправив по монастырям замаливать грех. Спустя три года, Кирилл Передков вернулся и был принят обратно в общество, но дурное прозвище осталось за ним, как впрочем и соответствующее отношение земляков.

Неприятие сельскими жителями греха скотоложества был обусловлен и тем, что всякий такой факт, ставший достоянием гласности, подрывал репутацию общины в целом. Например, жителей с. Семьяны Нижегородской губернии обитатели соседних деревень называли «кобылятниками», что воспринималось теми как позорное и оскорбительное ругательство. Причиной тому стал крестьянин, который был пойман в противоестественном совокуплении «с кобылой». Девушки селений Мещевского уезда Калужской губернии, для того чтобы посмеяться над парнем, который им неприятен, называли его «кобыльником» или «коровником». Таким образом, в русском селе сила общественного порицания являлась более действенным средством, чем закон.

Осуществлённое исследование позволяет сделать некоторые выводы. Религиозные установки, осуждающие проявления сексуальной активности вне рамок семьи, являлись фактором, сдерживающим девиантное поведение в половой жизни русских крестьян. Отношение деревенских жителей к изнасилованиям определялось правовыми традициями села и социаль-

ным статусом потерпевших. Самочинная расправа с насильником, а в большей мере примирение сторон при условии материальной компенсации, в делах такого рода, являлись действием норм обычного права. По мере роста правосознания сельских женщин, они стали чаще обращаться в судебные органы, с целью защиты своей чести и достоинства. Противоположные пороки традиционно воспринимались в русском селе как тяжкий грех перед Богом и в меньшей мере как преступление перед законом. Для правотворческой деятельности и судебной практики российского государства изученного периода характерно как смягчение наказания, так и увеличение числа лиц, привлечённых к уголовной ответственности за половые преступления.

4. КРЕСТЬЯНСКОЕ ПРАВОСУДИЕ

4.1. СЕЛЬСКИЕ СУДЫ

До введения Общего положения о крестьянах от 19 февраля 1861 г. российское сельское население формально не имело общего сословного суда. На практике основным органом для разрешения конфликтных ситуаций в деревне по-прежнему выступали общинные суды. Члены комиссии по преобразованию волостных судов пришли к выводу, что «начало обычая крестьян судиться своим домашним судом так же старо, как стар сам русский народ». Оршанский И.Г. утверждал, что коллективное разбирательство дел при участии всех членов общины «русский народ считал лучшей формой самоуправления и самосуда». По мнению С.В. Пахмана, народные суды существовали исстари, без каких-либо указаний закона.

В пореформенный период в русской деревне продолжала функционировать система неформального сельского суда. Она была представлена сельским сходом, судом стариков, семейным судом, судом сельского старосты, судом соседей и самосудом. Их решения основывались исключительно на обычном праве.

Весь быт крестьянского населения, установившийся, сложившийся исторически, объяснял стремление отдельных крестьян подчиниться суду своих односельчан, часто не имеющему ничего общего с формальным судом, писаным законом, но вполне удовлетворяющим совести и экономическим понятиям сельского обывателя. Зарудный М.И. в своём исследовании отмечал, что «крестьянин во всех своих сомнениях и спорах обращался к миру, оберегающему хозяйственные интересы каждого общинника для собственной пользы. «Как мир решит, – говорил крестьянин, – я миру не противник». По информации из Елатомского уезда Тамбовской губернии, в конце XIX в. «оскорбление, потравы, лесные порубки и т. п. мелкие споры об имуществе на сельских сходах разбирают сплошь и рядом. Не подчиняются этому суду только самые упорные и при исключительных обстоятельствах».

Традиции патриархальной семьи наряду с родственными связями, которые объединяли иной раз до половины деревни, обусловили существование семейных судов или судов родственников. Они рассматривали исключительно проступки, совершённые членами семейства, как в домашнем обиходе, так и вне него. Семейный суд вершил домохозяин, в случае необходимости прибегая к совету мужчин-домочадцев. Как правило, семейный суд был скорым, и если он кого-то из родных признавал виновным, то наказание осуществлялось незамедлительно. Случалось, что провинившийся член семьи пытался найти защиту у общественных судов. Но те в большинстве случаев занимали сторону большака и утверждали его решение.

По мере развития крестьянского индивидуализма происходило всё более заметное отторжение старых обычных норм в сфере семейных отношений. В начале XX в. отчётливо обозначилось недовольство прежними патриархальными порядками и стремление к их законодательному пересмотру. Так, в одном из крестьянских ходатайств предлагалось «поставить статью в законе, чтобы отец не обижал родных детей своевольно и своебылинно по его усмотрению, кому дать больше, а кому меньше. Прежний закон опирался на родителей – как отец хочет, так и творит!».

Одной из форм общинного суда в селах Центрального Черноземья был суд стариков. По данным К. Чепурного, он был распространён в русской деревне практически повсеместно, из 82 волостей его деятельность не была зафиксирована лишь в 3. Общественный суд выбирали тогда, когда всем сходом сразу нельзя решить дело, нередко он предшествовал сходу. Суд состоял из четырёх крестьян с хорошей репутацией, не моложе 45 – 50 лет и старосты. Задача суда состояла в том, чтобы не допустить по возможности односельчан с жалобой друг на друга к начальству, рассудить спор своими силами, внутри общины. Суд стариков решал спорные случаи семейных разделов, драки, потравы, оскорбления, нарушение запрета работы в праздничные дни. При необходимости суд выносил и наказания. Так, в Тамбовской губернии суд стариков в Кулеватовской волости приговаривал виновных крестьян к аресту на короткий срок, в Перкинской, Отьясовской, Питерской волостях – к небольшому штрафу. Наиболее часто к суду стариков прибегали для разбора дел об обидах и оскорблениях. Крестьяне считали, что в делах такого рода старики более беспристрастные судьи, на том основании, что ввиду близости смерти они не хотели брать греха на душу. Свою роль играло традиционное для деревни уважение к старшим по возрасту. Старики признавались более подходящими судьями, потому что от них не обидно было выслушивать выговор и даже брань.

Приверженность крестьян неформальному сельскому суду, и в частности, суду стариков, Н.В. Калачов объяснял их близостью крестьянским интересам: «Стоит послушать, особенно на сельских сходах, в которых подчас и донныне решаются стариками тяжёлые дела, хозяйственные споры и общественные распорядки, их полные практического смысла до-

воды ... Это ясное понимание своих и общественных нужд, эти трезвые суждения, не поддающиеся ни житейской неприязни к подсудимым, ни страху перед сильными людьми, ни презрению к беспомощным и слабым, – всё это невольно располагает в пользу этих неграмотных, но крайне рассудительных стариков».

Таким образом, суд патриархов в русской деревне основывался на обычаях, носителями которых выступали сельские старожилы. Богатый жизненный опыт в сочетании со знанием сути рассматриваемых дел позволял суду стариков успешно разрешать конфликтные ситуации, возникшие в сельской повседневности.

Одной из простых форм общинного суда являлся суд старосты. В обыденных спорах, а порой, и ссорах крестьяне в целях установления правоты охотно обращались к старосте, чтобы тот их «урезонил и примирил». Обыкновенно сельские старосты разбирали и решали маловажные дела: брань, драки, побои и пр. Староста не судил единолично, а для разбора дел приглашал стариков или добросовестных односельчан. Обращение местных жителей к суду старосты было обусловлено и тем, что тот мог действовать по закону, применяя к виновным наказание. Так, к старосте деревни Саловка Валуйского уезда Воронежской губернии 15 марта 1881 г. обратился Иван Малов, который просил разобраться с его братом Федором. Они с братом разделили имущество, а надел остался общим. Но Федор захватил весь участок и начал его пахать. Староста воспретил это, однако Федор продолжал распашку, за что и был арестован на сутки. Наказания староста употреблял как крайнюю меру, а в большинстве случаев, он стремился примирить односельчан, чтобы восстановить между ними добрые отношения и не доводить дела до суда.

Сельский сход как традиционная форма крестьянского самоуправления обладал и судебными функциями. Суд сельского схода по закону являлся судом для рассмотрения дел о семейных разделах, земельных спорах и разделе наследства. Наряду с этим он осуществлял и неофициальную функцию, выступая для однообщественников последней инстанцией для решения большинства незначительных дел. К сельскому сходу обращались также, если решения суда стариков, сельского старосты не удовлетворяли тяжущиеся стороны, т.е. он неформально выполнял функции апелляционного органа. Приговор сельского схода носил для крестьян характер окончательного решения, которое, как правило, не обжаловалось. Обращение крестьян к суду своих односельчан для разрешения возникающих жизненных коллизий – яркое свидетельство доверия коллективному разуму схода. Вверяя решение тяжбы общинному суду, селяне, прежде всего, надеялись на справедливое (основанное на обычае) и быстрое (без излишних формальностей) решение вопроса.

При решении вопросов, касающихся взаимоотношений жителей села, сход стремился привести дело к тому, чтобы конфликт разрешился миром. По сведениям из Валуйского уезда Воронежской губернии, если сход разбирает случай мелкой кражи, побоев или какой-либо другой обиды и

виновный был уличён, то он должен был просить прощение у стариков и особенно у обиженного. После этого на виновного накладывался штраф.

При определении меры ответственности за содеянное «мир» учитывал не только тяжесть проступка, но и личность виновного. Сельский сход обращал внимание на хозяйственную состоятельность, семейное положение, репутацию преступника, одним словом, «судили по человеку». Юрист дореволюционного периода И.Г. Оршанский замечал, что «для народного суда личность обвиняемого имеет первенствующее значение как члена мира, как соседа, домохозяина и плательщика налогов. Всё это имеет значение в выносимом решении. О личности выносят суждение на основе всестороннего знакомства «мира» с каждым членом, что возможно только в условиях крестьянского быта». Такая «прозрачность» сельских отношений позволяла не только выяснить мотивы совершённого преступления и определить степень его социальной опасности, но и вынести справедливый приговор с учётом всех смягчающих вину обстоятельств.

4.2. САМОСУД В РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ

Специальных исследований, посвящённых самосудам в дореволюционной и советской историографии, практически нет. Определить роль самосуда в жизни деревни пытались исследователи народных обычаев. Их работы носят преимущественно описательный характер. Примеры крестьянских самосудов и их классификацию приводит в своём исследовании В.В. Тенишев. По мнению И. Оршанского, они были обусловлены общинным укладом русской деревни и соответствовали народным понятиям о справедливости. Якушкин Е. рассматривал самосуд как одну из форм сельского суда, считая его личной расправой потерпевшего над обвиняемым. Самобытной формой общественного наказания считали самосуды исследователи советской поры В. Челидзе, Е. Бусыгин и др. С позиции правовой ментальности русских крестьян трактует этот феномен правовых обычаев исследователь Т.В. Шатковская. Обстоятельную статью проблеме крестьянского самосуда посвятил историк С. Фрэнк. Он считает самосуд проявлением народной культуры.

Согласно нормам обычного права, самыми тяжкими преступлениями в деревне являлись: поджог, конокрадство, воровство. В крестьянском представлении кража считалась более опасным и вредным преступлением, чем преступления против веры, личности, семейного союза и чистоты нравов. Потерпевший рассматривал кражу его зерна или его коня как покушение на него самого вопреки официальной трактовке такого рода преступлений уголовным кодексом. Из всех имущественных преступлений самым тяжким в селе считалось конокрадство. Конокрадство, по мнению крестьян, преступление более опасное, чем воровство, исключая кражи церковных денег и утвари. Стоит ли говорить о том, что потеря лошади вела к разорению крестьянского хозяйства. Крестьяне сознавали, что невозможно сидеть, сложа руки ввиду грозящей опасности остаться без лошади. Мужик полагал, раз преступление направленно против него лично,

то и наказание должно быть прямым и непосредственным. Он не мог быть уверен в том, что преступника вообще накажут – конокрады умело скрывались, и волостные власти чаще всего не могли своими силами справиться с этим бедствием.

Факты самосуда над конокрадами были отмечены большинством до-революционных исследователей русской деревни. Священник села Петрушково Карачевского уезда Орловской губернии Птицын в сообщении 25 мая 1897 г. так описывал местный самосуд: «С ворами и конокрадами крестьяне расправляются по-своему и могут убить совсем, если вовремя пойман, а увечья часто бывают таким людям». К конокрадам, застигнутым на месте преступления, крестьяне были безжалостны. Сельский обычай требовал немедленной и самочинной расправы над похитителями лошадей. Вот некоторые примеры таких самосудов. В д. Танеевке Обоянского уезда Курской губернии «крестьяне как-то гнались за вором, укравшим лошадь и, поймав его в лесу, убили». Житель с. Казинки Орловского уезда той же губернии В. Булгаков 30 июня 1898 года сообщил в Этнографическое бюро: «Крестьяне с конокрадами поступают очень жёстко, если поймут с лошадьми. Доносят начальству они редко, а большей частью расправляются самосудом, т.е. бьют его до тех пор, пока он упадет полумёртвым». В малороссийских селениях Рыльского уезда Курской губернии пойманному конокраду в задний проход вставляли ключку (крючок, которым дергали сено из стога) или же, раздев донага, привязывали в лесу к дереву на съедение комарам. Этнограф Е. Т. Соловьев в своей статье о преступлениях в крестьянской среде (1900 г.) приводит примеры, когда пойманным конокрадам вбивали в голову гвозди и загоняли деревянные шпильки под ногти. Единственное, что могло спасти конокрада или поджигателя от смерти – это самооговор в убийстве. По юридическим обычаям, крестьяне считали себя не вправе судить за грех (т.е. убийство) и передавали задержанного в руки властей.

Решение о самосуде принималось, как правило, на сходе, домохозяевами 35 – 40 лет во главе со старостой. Приговор выносился втайне от местных властей, чтобы они своим вмешательством не препятствовали расправе. Практически всегда уличённого вора ждала смерть. Так, крестьяне деревни Григорьевской Самарской губернии 3 декабря 1872 года собрались на сходку и порешили поймать Василия Андропова, обвиняемого в конокрадстве и поджоге, и разобраться с ним. Под предводительством старосты он был найден и убит. В Казанской губернии крупный вор по общему согласию крестьян был убит на берегу реки сельским старостой железным ломом и зарыт в песок. В Саратовской губернии шестерых конокрадов повесили и бросили в снег. Застигнутого с поличным конокрада застрелили из ружья в Вятской губернии. Крестьяне Самарской губернии делали на «каштанов» (т.е. конокрадов) облавы, а при их поимке бросали жребий, кому приводить приговор мирского схода в действие. Даже если вора не убивали, его ожидала суровая кара. Например, Ельшанский сельский сход Актырского уезда решил всех воров, уличённых в краже лоша-

дей, судить самим. В качестве наказания им назначали до 200 ударов розгами, при том, что сход редко приговаривал виновных более чем к 20 ударам. Часто такие экзекуции заканчивались смертью.

Не менее жестоко в деревне расправлялись и с поджигателями. Пожар для деревянных строений села был поистине страшным бедствием. Последствием огненной стихии являлось полное разорение крестьянского хозяйства. Поэтому жители села не церемонились с теми, кто пускал «красного петуха». Если поджигателя задерживали на месте преступления, то его жестоко избивали так, что он умирал. По сообщению корреспондента «Тамбовских губернских ведомостей» (1884) в селе Коровине Тамбовского уезда крестьянина, заподозренного в поджоге, привязали к хвосту лошади, которую затем несколько часов гоняли по полю. Традиция крестьянского самосуда отличалась особой устойчивостью. Используя сами разрушительную силу огненной стихии в борьбе с ненавистным помещиком, крестьяне были непримиримы к тем, кто поджигал избы и имущество. В 1911 году, по сообщению в департамент полиции, в с. Ростове Борисоглебского уезда Тамбовской губернии был избит и брошен в огонь крестьянин Пастухов, задержанный местными жителями за поджог риги. В корреспонденции из деревни Муравьево Краснохолмского уезда Тверской губернии за 1920 год дано описание сельского самосуда. Селькор, очевидец произошедшего события, рассказал о расправе местных жителей над Клавдией Морозовой, обвинённой в пожаре, который уничтожил половину деревни. Отрывок из этого письма. Раздался крик: «Бей её!», и вся озверевшая толпа с проклятиями иступленными воплями набросилась на Морозову. Милиционер ничего не мог поделать, и дикий самосуд свершился, в нём приняли участие и дети. Били её каблуками, поленьями, вырывали волосы, рвали одежду, особенно зверствовали женщины, с матерей брали пример и дети. Морозову убили. Но убить толпе было мало, на тело плевали, ругали, потом потащили топить в пруду».

Решительно крестьяне расправлялись и с ворами, застигнутыми на месте преступления. Автор обзора об обычаях крестьян Орловской губернии в конце XIX в. писал, что «преступникам мстят, только захвативши на месте преступления, – бьют, иногда и убивают до смерти. Бьют все, как хозяин, так и соседи». В декабре 1911 г. в департамент полиции МВД поступила информация о том, что «в с. Никольском Богучарского уезда Воронежской губернии совершён самосуд над тремя крестьянами за кражу со взломом из амбара. Один преступник убит, другой искалечен, третьему удалось бежать. За самосуд арестовано шесть крестьян». Самосуд был не только результатом эмоционального всплеска, проявлением коллективной агрессии, т. е. непосредственной реакцией на произошедшее преступление, но и действием, отсроченным во времени, не спонтанным, а обдуманном. В с. Троицком Новохоперского уезда Воронежской губернии 13 апреля 1911 г. были задержаны крестьяне Митасов и Попов, укравшие на мельнице рожь и муку. При конвоировании задержанных толпа крестьян пыталась отбить их у стражников для учинения самосуда над ворами. Вмешательство со сторо-

ны власти воспринималось крестьянами как досадное препятствие, могущее помешать справедливому возмездию.

Самосуд являлся не просто личной расправой потерпевшего, в наказании участвовали и другие члены общины. В жестокой самочинной расправе соединялись воедино чувства мести, злобы и страха. Именно страх превращал деревню в коллективного убийцу. Объясняя этот феномен, писатель-демократ Н.М. Астырев в «Записках волостного писаря» утверждал, что крестьяне, воспитанные на страхе, сами прибегали к этому методу воздействия. «Отсюда и сцены дикого самоуправства, – писал автор, – когда при отсутствии улики за какое-либо деяние, наводящее страх (колдовство, поджог, конокрадство) доходят своими средствами, бьют, калечат, убивают и жгут». Чувство коллективного страха перед преступником, который разгуливал на свободе, а, следовательно, мог и впредь учинить подобное, и толкало сельский мир на скорую расправу. В народе говорили: «Ничем вора не уймешь, коль до смерти не убьёшь». Другой причиной было то, что крестьяне не верили в заслуженное возмездие преступника. Так, в селе Низовом Тамбовского уезда в 1884 г. участились случаи самоуправства с ворами. Местные жители говорили: «Пооди, там, таскайся по судам, с каким-нибудь негодяем, вором, а лучше всего топором в голову, да и в прорубь». Такие народные расправы в конце XIX в. заканчивались ежегодными убийствами. Приведём лишь один пример. В 1899 г. уездный исправник проводил расследование в селе Щучье Бобровского уезда Воронежской губернии по делу об убийстве трёх крестьян. Выяснилось, что «крестьяне убиты всем обществом, по мнению которого они постоянно занимались кражами, сбытом краденых вещей и вообще были людьми небезопасными для окружающего населения».

Крестьяне были убеждены в своём праве вершить самосуд, и при таких расправах они не считали убийство грехом. Убитого самосудом общество тайком хоронило, зачисляя его в список без вести пропавших. Судебные власти пытались расследовать факты самосудов, ставшие им известными. Все усилия полиции выяснить обстоятельства произошедшего, найти преступника, как правило, были безрезультатны. Определить виновного было весьма затруднительно, по причине того, что на все вопросы следователя крестьяне неизменно отвечали, что «били всем миром», или говорили: «Да мы легонько его, только поучить хотели. Это он больше с испугу умер». Те немногие дела, которые доходили до суда, заканчивались оправдательным приговором, который выносили присяжные из крестьян. Традиция самочинных расправ отличалась устойчивостью, что подтверждалось фактами крестьянских самосудов, отмеченных в советской деревне в 20-е гг. XX в.

Самосуду в деревне подвергали неверных жён и распутных девок. По народным понятиям разврат являлся грехом, так как он задевал честь семьи (отца, матери, мужа). Гулящим девкам отрезали косу, мазали ворота дёгтем, завязывали рубаху на голове и по пояс голыми гнали по селу. Ещё строже наказывали замужних женщин, уличённых в прелюбодеянии. Их

жестоко избивали, затем нагими запрягали в оглоблю или привязывали к телеге, водили по улице, щёлкая по спине кнутом.

Особой категорией сельских самосудов следует признать самочинные расправы, учинённые на почве суеверия. Во время деревенских бедствий, будь то мор или эпидемия, на сельских колдунов и ворожеек указывали как на причину постигших несчастий. И они становились жертвой крестьянской мести. Как свидетельствуют документы самосудов над колдунами, завершавшихся убийствами, происходило много. Крестьяне хорошо понимали, что в этом вопросе они не могут надеяться на официальный закон, который не рассматривал колдовство как преступление. Неудовлетворённые таким положением вещей селяне брали инициативу в свои руки. В народных представлениях убить колдуна не считалось грехом. Информатор из Орловского уезда А. Михеева сообщала: «Убить колдуна или сжечь его, мужики даже за грех не считают. Например, жила одна старуха, которую все считали за колдунью. Случился в деревне пожар, мужики приперли её дверь колом, избу обложили хворостом и подожгли».

Другими служителями сатаны, как считали в деревне, были ведьмы. Жители села были убеждены, что ведьмы портили людей, изводили скотину. Порча производилась посредством собранных в ночь Ивана Купалы трав наговорами на еду и питьё. Человек, на которого навели порчу, начинал чахнуть или делался «припадочным», или начинал «кликушествовать». Только взглядом можно было объяснить, почему вдруг корова перестала доиться или молодая девушка «таяла» на глазах. Повсеместно ведьм считали виновницами летних засух и неурожаев. В с. Истобном Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии в начале XX в., крестьяне чуть не убили одну девушку, которую подозревали в ворожбе. Девка эта яко бы ходила голая по селу и снятой рубахой разгоняла тучи. Вмешательство местного священника спасло несчастную от расправы.

За менее тяжкие преступления, такие как кража одежды, обуви, пищи, воров в селе подвергали «посрамлению». Обычное право предусматривало наказания вовсе не известные официальному законодательству. Одно из таких – обычай срамить преступника, т.е. подвергать его публичной экзекуции, унижающей его честь и достоинство. Крестьяне объясняли существование этого обычая тем, что «сраму и огласки более всего боятся». Такая форма самосуда носила, прежде всего, демонстрационный характер. Символикой и ритуалом «вождения» вора община показывала свою власть и предупреждала жителей деревни, что в случае воровства кары не избежит никто. По приговору сельского схода уличённого вора, порой нагишом, с украденной вещью или соломенным хомутом водили по селу, стуча в вёдра и кастрюли. Во время такого шествия по селу каждый желающий мог ударить преступника. Били по шее и в спину, чтобы истязаемый не мог определить, кто их наносит. После такого публичного наказания вора сажали в «холодную», а затем передавали в руки властей. С этой же целью, «для сраму», применялись общественные работы. Женщин заставляли мыть полы в волостном правлении или принародно мести

улицы на базаре. В селе Новая слобода Острогожского уезда Воронежской губернии мать и дочь за дурное поведение очищали слободскую площадь от навоза. Мужики, в качестве наказания, исправляли дороги, чинили мосты, копали канавы.

Коллективные расправы над преступником в ходе самосуда выступали действенным средством поддержания сельской солидарности. Община решительно пресекала споры, проявление вражды между односельчанами, т.е. всё то, что могло разрушить социальные связи и общности действий. Участие селян в самосудах служило и возможностью выхода энергии агрессии, затаённой вражды. Мирской приговор, предшествующий самосуду, придавал, в глазах крестьян, самосуду законную силу и делал месть со стороны жертвы маловероятной. В этом следует видеть одно из проявлений коллективистских начал общинного сознания.

4.3. ВОЛОСТНОЙ СУД В ПОВСЕДНЕВНОСТИ СЕЛА

Волостной суд был создан по Положению от 19 февраля 1861 года в каждой волости. Создание крестьянского суда было вызвано необходимостью ликвидации помещичьего права вотчинной полиции и регулирования отношений в крестьянской среде. В ведение суда входили все споры и тяжбы до 100 р. как движимого, так и недвижимого имущества в пределах крестьянского надела. Суд рассматривал дела о наследстве, опеке, займах, обязательствах, а также маловажные проступки по уголовным делам. В решении большинства дел суду разрешалось руководствоваться не существующим законодательством, а местными обычаями. Сословный характер суда подчёркивал юридическую обособленность крестьянства и самобытность правовых воззрений сельского населения. Наряду с общинными судами волостной суд следует рассматривать как составляющую часть сельской повседневности. Согласно статье 95 Общего положения в ведении волостного суда находились как «споры и тяжбы между крестьянами, так и дела по маловажным их проступкам». Одним словом, изначально в пределах юрисдикции волостных судов оказались конфликты и правонарушения, которые были порождены самой деревенской действительностью и наиболее часто возникали в крестьянской среде.

Суд имел право накладывать наказания в виде ареста до семи дней, общественных работ до шести дней, денежного штрафа до 3 р., порки розгами до 20 ударов. Решение суда считалось окончательным. Оно могло быть обжаловано в случаях: принятия к своему разбору неподсудного дела; определения наказания, превышающего предоставленную суду власть; решения суда без вызова сторон.

Состав судей, числом от 4 до 12, избирался на волостном сходе. Присутствие состояло не менее чем из 3 судей. Вознаграждение судей устанавливалось по решению волостного схода, но в 60–70-е гг. XIX в., по мнению исследователя Л.И. Земцова, было редкостью. Освобождение членов волостного суда от натуральных повинностей на практике осуществлялось не везде. Так, по данным комиссии Любошинского, из 82 об-

следованных волостей освобождение от повинностей членов волостного суда встречалось только в 21 волости, а жалованье – лишь в 8 волостях. В целом по стране, жалованье получали примерно треть судей, и оно составляло, в зависимости от местности, от 5 до 60 р. в год. Конечно, такое незначительное вознаграждение не стимулировало крестьян занимать судебные должности. В ряде мест крестьяне относились к судам как к новой повинности («берём в суды, как в солдаты»). Нежелание нажать себе врагов также являлось одной из причин уклонения крестьян от членства в волостном суде. По наблюдению М. Зарудного, «судье нередко приходилось определять наказание, возбуждающее недовольство и злобу, а ссориться с односельчанином никому не хотелось».

Комиссия М.И. Любощинского, обследовавшая состояние волостных судов (1878) в губерниях Европейской части России, выявила массу недостатков в их работе. Материалы комиссии полны примеров «питейного правосудия». Низким оставался и образовательный уровень судей. В 78 волостях Тамбовской губернии, по данным за 1878 год, из 683 судей грамотных было только 62. Сами крестьяне характеризовали волостные суды как «тёмные», «неумелые», которые «законов не знают». При формировании состава волостного суда грамотные и образованные крестьяне стремились избежать членства в нём. Исследование выявило зависимость судей от волостных старшин и писарей. «Да иначе и трудно, – заявляли сами судьи, – так как судьи неграмотные, а старшина первый голова». Несмотря на недостатки, крестьянский суд пользовался доверием сельского населения. В трудах той же комиссии приводятся данные опроса об отношении крестьян к волостному суду. В 67 ответах (81,7% всего числа) опрошенных отмечалось, что они довольны своим судом, в четырёх это сделано с оговорками, резко отрицательные отзывы дали в двух случаях.

С целью улучшения деятельности волостных судов в июне 1889 г. были приняты «Временные правила о волостных судах». Кандидаты в волостные судьи определялись на сельском сходе. В каждой волости таких кандидатов должно было быть не менее восьми. Из их числа земский начальник утверждал четверых волостных судей сроком на 3 года, причём один из судей назначался председателем. По гражданским делам суд вёл все иски о надельном имуществе без ограничения суммы, прочие споры и тяжбы до 300 р., по наследственным делам до 50 р.. Суд имел право приговаривать к аресту до 30 дней и денежному штрафу до 30 р.

Опека судов со стороны земских начальников выразилась в том, что многие решения выносились под их диктовку. Сами же земские начальники сетовали на то, что несмотря на их старания, суд в своём составе редко имел «грамотного» председателя, умеющего с грехом пополам написать свою фамилию.

Нарекание со стороны крестьян вызывала вольная трактовка волостными судами обычая как основы выносимых решений. Твёрдых и определённых обычаев практика волостных судов установила мало. «В большинстве случаев имеются не обычаи, разумея под этим термином вполне

определившееся правосознание, а простое обыкновение, не обладающее свойством непреложного в народном представлении указания и ввиду этого соблюдаемого, поскольку оно не нарушает чьих-либо существенных интересов. Таким образом, решить, что есть обычай, и что нет – представляется часто задачей весьма трудной», – делал вывод в своём докладе сенатор Г.А. Евреинов. С целью решения проблемы Сенат постановлениями 1891 и 1896 гг. дал право волостным судам подтверждать или опровергать существование у крестьян того или иного обычая. Волостной суд фактически получил право творить правовые нормы. Местные обычаи не всегда могли служить правовым руководством постоянных и одинаковых решений. Волостной суд просто не мог знать обычного права всех селений волости.

К концу XIX в. положение волостных судов в деревне укрепилось. По мере развития крестьянского правосознания совершенствовалась система сельского правосудия. С ростом авторитета волостного суда возросла и привлекательность судебных должностей, а равно требовательность односельчан к кандидатам в волостные судьи. Заседания суда проводились в воскресные дни, поэтому исполнение судебных обязанностей не мешало хозяйственной деятельности. Судьи получили знаки отличия, а вместе с ними уважение со стороны односельчан, которые говорили, что «никто не знает, может, и нам придётся судиться у него, не грех и уважить». Не последнюю роль играло и повышение денежного довольствия членам волостного суда. Из Орловской губернии в информационной записке в МВД сообщали: «В судьи предпочитают избирать грамотных, развитых, притом более или менее состоятельных. Судьям назначают жалование 60 р. в год, председателю – 100 р. Судья освобождается от натуральных повинностей». Информатор А. Петров из Шехманской волости Липецкого уезда Тамбовской губернии в письме от 8 февраля 1899 г. писал в Этнографическое бюро: «В волостные суды избираются преимущественно люди грамотные, из отставных нижних чинов, которых народ привык считать наиболее развитыми и добросовестными. Председатель волостного суда получает из волостных сумм 100 р. жалования, а остальные 3 судьи по 60 р.».

При всех имеющихся недостатках волостной суд был близок и дорог крестьянам. Причина заключалась в однородности взглядов и понятий в тяжёлых делах судей и сторон. Вся критика волостного суда, звучащая со стороны представителей образованного общества в начале XX в. основывалась на результатах комиссии Любощинского тридцатилетней давности. Ратуя за ликвидацию волостных судов, авторы статей приводили всё тот же набор аргументов о «царстве обычая», «пьяном правосудии», недоверии волостным судам» и т.п.

В связи с этим интересным представляется свидетельство делопроизводителя земского отдела МВД А.В. Кривошеина. В своём рапорте министру внутренних дел в 1895 г., по результатам своей поездки по губерниям Центральной России он докладывал: «Охотное обращение крестьян в волостной суд, несомненно, указывает на настоятельную потребность сельских

местностей в суде близком, скором и простом, не стеснённом громоздкими процессуальными формальностями».

Необходимость сохранения волостных судов исходила, прежде всего, из объективной реальности. Критики сельского правосудия, верно подмечая его слабые стороны, однако не отвечали на главный вопрос, а чем могут быть заменены волостные суды? Давая ответ таким проекторам, сенатор Н.А. Хвостов замечал: «Волостные суды неизбежно должны быть сохранены, так как ничем другим их заменить невозможно. Мы не можем в каждую волость дать мирового судью, уже я не говорю юриста, но хотя бы человека со средним образованием, как это и требовалось по закону о мировых судьях».

Волостные суды нельзя обвинить в формальном подходе в оценке преступления. Они тщательно подходили к выяснению мотивов и обстоятельств совершённого преступления. Так, если дети по приказу родителей шли на преступление, то они не привлекались к ответственности. Отвечали за них родители. А если преступление совершила жена по наущению мужа, то они отвечали оба, но первой делалось снисхождение. По сообщению В. Перькова (1898), в одном из сел Болховского уезда Орловской губернии крестьянин послал жену воровать пеньку в снопах, её поймали, она призналась, что её послал муж. Суд приговорил мужа к аресту на 15 суток, а жену на пять.

Волостной суд, вынося приговор, учитывал все обстоятельства дела, обращая внимание на факторы, смягчающие или, напротив, усиливающие вину обвиняемого. К причинам, которые усиливали наказание при вынесении приговора, следует отнести: повторность совершённого преступления, совершение кражи днём, дурное поведение, запирательство на суде. Напротив, болезненное состояние, физические недостатки, наличие грудного ребенка, беременность, чистосердечное признание, несовершеннолетие, отсутствие умысла, заслуги виновного – всё это на суде выступало факторами, смягчающими наказание.

Главным в решении по обычаю было воззрение на личность подсудимых и их положение в семье. Члены волостного суда говорили, что «решаем, глядя по человеку, и по хозяйству». Да и сами крестьяне утверждали, что судьи руководствуются не столько обычаями, сколько справедливостью и обстоятельствами дела, соображаясь с человеком. Субъективизм играл большую роль в принимаемых волостным судом решениях. Для судей была важна не только суть дела, но и репутация, поведение, участвующих в деле. Если судьи не были знакомы с истцом и ответчиком, то необходимую информацию о них они получали от старосты. Дурная слава о человеке ужесточала выносимый приговор, и напротив, отзывы об участнике процесса как о трудолюбивом и рачительном хозяине учитывались как смягчающие вину обстоятельства. В представлении крестьян только такое судебное решение могло быть признано справедливым, которое в полной мере учитывало мнение односельчан об истце и ответчике. По утверждению Н.Н. Покровского, таким образом, давался «пример дейст-

венного функционирования общественного мнения, основанного в первую очередь на трудовой репутации человека ...».

Основываясь на народных традициях, юридических обычаях русской деревни, волостные суды видели свою главную задачу отнюдь не в том, чтобы покарать виновного, а в том, чтобы примирить стороны, сохранить внутреннюю солидарность сельского мира. Мировая сделка, по народным понятиям, являлась единственно справедливым исходом всякого дела. По наблюдениям писателя-демократа Н.А. Астырева, служившего волостным писарем в Воронежской губернии, до суда доходило не более 2/3 заявленных в волостное правление жалоб, одна треть заканчивалась миром без помощи правосудия. Учёт интересов другого, даже в случае его неправоты – лучший исход для того, чтобы продолжилось нормальное существование в том тесном коллективе, с которым крестьянин был связан всю жизнь.

Большинство дел, рассмотренных волостным судом, исчезало бесследно, так как дела заканчивались примирением сторон и поэтому в книгу решений не заносились. В материалах волостных судов Тамбовской губернии часто встречается запись о том, что дело прекращено за неявкой сторон. Логично предположить, что неявка истца и ответчика на суд была чаще всего следствием их примирения. Во всех волостях миром в судах кончалось более половины всех дел. Показательны в этом отношении данные Ильинского волостного суда Болховского уезда Орловской губернии за 1896 г. За год судом рассмотрено 411 дел, из них гражданских 214. Примирением сторон закончено 139 гражданских дел.

Желание решить дело так, «чтобы никому не было обидно», лежало в основе деятельности народных судей. В народе о таких решениях говорили «грех пополам». Сущность обычая заключалась в разделе суммы исков за убытки (грех) между истцом и ответчиком так, что потерпевшая сторона удовлетворялась лишь частью потерь. Этот вид решения часто встречался в практике волостных судов. Чаще всего к нему прибегали из-за недостатка улик или в случаях причинения ущерба без умысла.

Обычаем суд руководствовался и в процессе судопроизводства. Крестьяне, как правило, подавали иски и жалобы не непосредственно в суд, а волостному старшине. Большинство исков заявлялось ему устно при встрече с ним на сходе, в правлении или в ином месте. Жалобы крестьяне подавали лично, но за малолетних и больных могли заявлять иск их родственники. Дело рассматривалось в присутствии сторон. За неявку на заседание без уважительной причины суд мог приговорить к штрафу.

В гражданских делах муж мог участвовать за жену, отец за сына. Большак (глава семьи) заменял в суде любого члена семьи, вызванного как ответчика. Обычай вообще устранял от дачи показаний на суде только лиц, стяжавших, безусловно, дурную репутацию. Общины являлись ответчиками только в трёх случаях: по лесным порубкам, потравам полей и растратам со стороны должностных лиц сельского управления. Сельскую общину на суде представлял староста или специально выбранный на сходе уполномоченный.

Обычно-правовое регулирование в крестьянской среде предусматривало решение всех спорных вопросов «на миру», при участии и опросе всех сведущих о существе дела. Традиционная гласность крестьянского суда была проявлением взаимного нормативного контроля, гарантом соответствия принимаемого решения неписаным нормам обычного права, одновременно такая гласность выступала залогом исполнения принятого решения. Большое значение придавали свидетельским показаниям, что было обусловлено не только низким уровнем грамотности, но и религиозно-нравственными нормами, особенностями юридических взглядов крестьян. Свидетели призывались на волостной суд для того, чтобы выяснить все обстоятельства дела, а, следовательно, принять верное решение. Следует отметить, что крестьяне неохотно выступали свидетелями на суде, объясняя это нежеланием нажить себе врагов.

Признание ответчиком своей вины играло важную роль в крестьянском судопроизводстве. Волостные суды принимали массу решений, основанных только на одном добровольном сознании ответчика, на его «чисто-сердечном раскаянии», при полном отсутствии каких-либо доказательств со стороны истца. Это ещё одно подтверждение приоритета нравственного императива в правовых воззрениях русских крестьян. Православное сознание судей, памятуя о греховной природе человека, принимало признание своей вины подсудимым как осознание им гнусности содеянного и желание впредь беречься от преступных деяний. Поэтому приговор суда диктовался не суровой буквой закона, а христианским милосердием.

Деятельность волостного суда представляла собой исторически оправданный компромисс между обычным правом русской деревни и официальным законодательством. Волостные суды следует рассматривать как форму перехода от традиционного народного правосудия к государственному законодательству. Формирование юридической культуры происходило на основе обычно-правовой системы. При всех недостатках сельского судопроизводства волостной суд являлся той силой, которая закрепляла и сохраняла нормы поведения в обыденных жизненных ситуациях. На рубеже XIX–XX вв. отчётливо проявилась тенденция, свидетельствующая о том, что крестьяне начали осознавать свои гражданские права и стремились их оградить законом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Различные отношения, возникавшие в повседневной жизни русского села, регулировались на основе норм обычного права. В основе обыденного правосознания жителей деревни лежали принципы уравнительности, примата общественного над личным, приоритетности хозяйственных интересов. Причину преступления крестьяне усматривали в греховной природе человека. Расхождение норм обычного права с официальным законом в оценке преступлений было обусловлено спецификой общественного уклада села. Нарушение общинных установлений каралось гораздо строже, чем нарушение официального законодательства или посягательство на личность и имущество отдельного крестьянина.

Цель крестьянского правосудия состояла как в защите интересов общины в целом, так и в разрешении повседневных конфликтов между её членами. Субъективизм («глядя по человеку») – отличительная черта сельских судов. Сельское судопроизводство было лишено формализма и руководствовалось принципами, близкими и понятными крестьянам. Разбирательства носили преимущественно примирительный характер, что позволяло оперативно разрешать правовые коллизии и сохранять общинную солидарность. В то же время община решительно расправлялась посредством самосуда с нарушителями общественных установлений. Карательная функция общины выступала условием её самосохранения. Следствием стереотипов поведения деревенских жителей являлась семейная расправа.

Поземельные отношения русской деревни основывались и регулировались обычным правом. Изученные решения волостных судов по земельным искам убедительно свидетельствуют о том, что в рассмотрении земельных споров судьи руководствовались правовыми обычаями. Имущественные отношения крестьянского двора и порядок наследования в деревне определялись существовавшими в селе правовыми традициями. Правовая особенность имущества крестьянского двора была обусловлена семейным характером производства и традициями податного обложения.

Деятельность волостных судов способствовала сближению двух правовых культур: крестьянской и официальной. Рост числа крестьянских обращений в волостные суды, и в первую очередь, с целью защиты чести и достоинства, свидетельствовал о развитии правовой культуры русского села. Обычное право русской деревни не оставалось неизменным и эволюционировало посредством утраты отдельных правовых норм, не отвечающих потребностям времени.

На функционирование обычного права и содержания правовой культуры русского села в изучаемый период оказывали воздействие те же факторы, которые влияли в целом на крестьянское сообщество. Модернизация российского общества и эмансипация крестьянства формировали в сельской повседневности новации, которые не укладывались в традиционные рамки народных правовых обычаев.

ПЛАН ЛЕКЦИЙ И ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ

Лекция 1. Обычное право русского села

1. Историография проблемы.
2. Предмет и методы изучения.
3. Источник в изучении правовых обычаев.

Семинар 1. Нормы обычного права

1. Понятие и содержание обычного права.
2. Место и роль обычая в системе права.
3. Современное состояние изучения проблемы.

Лекция 2. Правовые обычаи в гражданском праве

1. Обычное право в крестьянском землепользовании.
2. Имущественные отношения крестьян по обычному праву.
3. Договоры и обязательства сторон.
4. Система опеки. Порядок наследования.

Семинар 2. Особенности гражданских правоотношений в русском селе.

1. Принцип трудового права.
2. Имущество крестьянского двора.
3. Правовой статус женской собственности.
4. Отличие наследования в селе от положений официального закона.

Лекция 3. Уголовные преступления по обычному праву русских крестьян

1. Преступления против личности.
2. Имущественные преступления.
3. Сексуальные преступления.

Семинар 3. «Грех» и «преступление» в правосознании сельских жителей

1. Понятия преступления в обычном праве.
2. Отношение крестьян к различным видам уголовных преступлений.
3. Ответственность за уголовные преступления.

Лекция 4. Крестьянское правосудие

1. Сельские суды.
2. Внесудебная расправа.
3. Волостные суды русской деревни.

Семинар 4. Особенности сельского правосудия

1. Виды неформального правосудия.
2. Состав и функции волостного суда.
3. Характер судебного разбирательства. Виды наказания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Основная литература

1. Арутюнов, С.А. Культурная антропология : учебник / С.А. Арутюнов, С.И. Рыжакова. – М. : Изд-во «Весь мир», 2004. – 216 с.
2. Безгин, В.Б. Обычное право русской деревни (вторая половина XIX – начало XX в.) : учебное пособие / В.Б. Безгин. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн ун-та, 2000. – 48 с.
3. Рулан, Н. Юридическая антропология : учебник / Н. Рулан. – М. : Норма, 1999. – 310 с.
4. Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии: курс лекций. – М. : Стратегия, 2002. – 236 с.
5. Юридическая антропология. Закон и жизнь: курс лекций / под ред. Н.И. Новикова, В.А. Тишкова. – М. : ИЭА РАН, 2000. – 222 с.

Дополнительная литература

6. Александров, В.А. Обычное право крепостной деревни России XVIII – начало XIX в. / В.А. Александров. – М. : Наука, 1984. – 254 с.
7. Безгин, В.Б. Крестьянская повседневность (Традиции конца XIX – начала XX в.) / В.Б. Безгин. – М.–Тамбов : Изд-во ТГТУ, 2004. – 304 с.
8. Громько, М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. / М.М. Громько. – М. : Наука, 1986. – 278 с.
9. Зырянов, П.Н. Крестьянская община Европейской России 1907 – 1914 гг. / П.Н. Зырянов. – М. : Наука, 1992. – 256 с.
10. Качоровский, К.Р. Народное право / К.Р. Качоровский. – М.: «Новые силы», 1906. – 251 с.
11. Леонтьев, А.А. Волостной суд и юридические обычаи крестьян / А.А. Леонтьев. – СПб. : Типография Н.К. Мартынова, 1895. – 140 с.
12. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) в 2-х т. / Б.Н. Миронов. – СПб. : Изд-во «Дмитрий Булавин», 2000.– Т. 2. – 568 с.
13. Тенишев, В.В. Правосудие в русском крестьянском быту / В.В. Тенишев. – Брянск : Типография Л.И. Итина и К, 1907. – 192 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ	4
2. РОЛЬ ОБЫЧАЯ В ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ РУССКОЙ ДЕРЕВНИ	9
2.1. Обычное право в крестьянском землепользовании	9
2.2. Имущественные отношения по обычному праву	15
2.3. Договоры и обязательства по ним	19
2.4. Наследование, опека и усыновление в русском селе	28
3. УГОЛОВНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ РУССКИХ КРЕСТЬЯН	35
3.1. Оскорбление словом и действием в сельской повседневности	35
3.2. Имущественные преступления в крестьянской среде	39
3.3. Половые преступления в русской деревне	49
4. КРЕСТЬЯНСКОЕ ПРАВОСУДИЕ	63
4.1. Сельские суды	63
4.2. Самосуд в русской деревне	66
4.3. Волостной суд в повседневности села	71
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	77
ПЛАН ЛЕКЦИЙ И ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ	78
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	79